

НОВОЕ
В ЖИЗНИ НАУКЕ
ТЕХНИКЕ

ЗНАНИЕ

В. В. Мавродин
КРЕСТЬЯНСКАЯ
ВОЙНА
ПОД
РУКОВОДСТВОМ
ПУГАЧЕВА

СЕРИЯ
ИСТОРИЯ

6/1973

В. В. Мавродин,
доктор исторических наук

**КРЕСТЬЯНСКАЯ
ВОЙНА
ПОД РУКОВОДСТВОМ
ПУГАЧЕВА**

**ИЗДАТЕЛЬСТВО «ЗНАНИЕ»
Москва 1973**

Мавродин Владимир Васильевич

М 12 Крестьянская война под руководством Пугачева. М., «Знание», 1973.

64 с. (Новое в жизни, науке, технике. Серия «История», 6).

Яркой страницей в летописи освободительной борьбы трудящихся масс против крепостничества является история Крестьянской войны под руководством Емельяна Пугачева, разразившаяся два столетия назад.

Автор на обширном историческом материале показывает обострение классовой борьбы трудящихся против крепостничества, силу и размах Крестьянской войны 1773—1775 гг., сильные и слабые стороны восставших, причины поражения и историческое значение этого одного из крупнейших крестьянских выступлений против крепостнических порядков царской России.

1-6-4

9(С)14

Шел 1773 год... Далеко на востоке европейской России, на берегах Седого Яика, в предгорьях Урала, на бескрайних равнинах Башкирии, в Поволжье полыхало пламя крестьянской войны. Горели помещичьи усадьбы, «дворянские гнезда», гремели пушки под Оренбургом, с гиканьем неслись на царские войска яицкие казаки, свистели стрелы башкирских луков, захватывали заводы уральские горнозаводские работные люди — из самого сердца яицких казачьих степей, от стен Яицкого городка вел восставший народ на борьбу с губернаторами и воеводами, с чиновничеством и офицерством, с помещиками и заводчиками, с крепостничеством «набеглый царь» и предводитель последней в истории, но самой грандиозной крестьянской войны в России Емельян Иванович Пугачев.

Накануне крестьянской войны

Колоссальный размах крестьянской войны, возглавленной Пугачевым, сила удара, который обрушил трудовой люд России на крепостническую систему в памятные 1773—1775 гг., были предопределены остротой классовых противоречий, которыми характеризовалась обстановка в стране накануне восстания.

Социально-экономическое развитие России с середины XVIII в. характеризовалось двумя противоречивыми процессами: дальнейшим ростом феодальной эксплуатации и усилением крепостного права и одновременно началом разложения крепостнической системы под влиянием развития в экономике страны капиталистического уклада. Помещики стремятся, не изменяя социальной

структуры своего хозяйства и сохраняя старые крепостнические устои, повысить доходность имений, ищут новые источники обогащения. Они торгуют хлебом и другими сельскохозяйственными продуктами, занимаются винокурением, строят сукноделательные заводы, пытаются возделывать новые сельскохозяйственные культуры и т. д. Но так как основой производства оставался труд крепостных крестьян, то фактически самым ощутимым результатом всего дворянского предпринимательства являлось лишь усиление эксплуатации крестьян. Доходы с поместий либо росли очень медленно, либо оставались на прежнем уровне. А между тем потребности дворян непрерывно возрастали. Не только крупные помещики, вельможи, знать, но и дворянство средней руки все больше и больше отказывалось от староредедовских браги и меда, домотканых сукон и полотен, домашних солений и копчений. В обиход дворянства вошли «заморские» вина, пряности, привозные тонкие сукна и полотна, парфюмерия, так называемые колониальные товары и пр. Дорого стоила жизнь в Петербурге или «первопрестольной» Москве, недешево обходились служба в гвардии, поездки за границу, балы и маскарады, содержание усадеб и парков, театров и хоров, псовой охоты. На все это нужны были деньги, и основным источником их оставалась эксплуатация крепостного труда.

Вторая половина XVIII в. в России отмечена чудовищным произволом крепостников-помещиков, бесправием, нищетой, забитостью, безудержной эксплуатацией крестьян. Особенно трудно жилось помещичьим крестьянам. Непрерывно росли барщина и оброк, в первую очередь денежный. Барская запашка поглощала все большее количество крестьянских земель, и крестьянские наделы, особенно в черноземных уездах, сокращались. Крестьянин трудился на барской запашке обычно 3—4 дня в неделю, но иногда барщина доходила до 6 дней, а для работы на своем клочке земли у крестьянина оставались лишь ночи да праздничные дни. Часть барщинных крестьян, пока что небольшую, помещики перевели на «месячину». Такие крестьяне не имели ни своих наделов, ни рабочего скота, работали все время на барина и получали месячное содержание продуктами, либо вовсе находились на «застольной пище» у господ. Немало крестьян помещики переводили в число дворо-

вых и домашних слуг. «Дворня» жила в «людской»; находясь все время на глазах у своих бар и подвергаясь всяческим издевательствам.

Крестьяне все больше теряли остатки своих прав. Специальные указы разрешали помещикам по своему усмотрению ссылатъ крестьян на поселение, на каторгу, запрещая при этом крестьянам жаловаться на своих господ. Крестьяне превращались в «крещеную собственность». Их дарили, продавали и покупали, проигрывали в карты, меняли на породистых собак и курительные трубки. Крестьянки пополняли крепостные гаремы, «улаживали» господ, участвуя в крепостных хорах и театрах. Господа вмешивались в личную жизнь своих «людей», разрушали семьи, отделяли родителей от детей; жен от мужей, препятствуя бракам или заключая их против воли крестьян. Жестокость и самодурство помещиков не знали предела. Такие прославившиеся своей жестокостью крепостники, как помещица Дарья Салтыкова («Салтычиха»), обвиненная даже царскими властями в смерти 75 своих «людей» и собственноручно замучившая 38 человек, или орловский помещик Шеншин, имевший целый штат палачей, и разнообразные орудия пытки отнюдь не были редким исключением. Ф. Энгельс отмечает непрерывный рост крепостничества в России «пока Екатерина не сделала этого угнетения полным и не завершила законодательства. Но это законодательство позволяло помещикам все более притеснять крестьян, так что гнет все более и более усиливался»¹.

Вторая половина XVIII в. явилась периодом усиления дворянской диктатуры, временем расцвета крепостного хозяйства и крепостного права, когда последнее, по определению В. И. Ленина, «ничем не отличалось от рабства»².

Немногим легче было положение и других категорий крестьянства: монастырских, дворцовых, государственных, в том числе ясачных (так называемых инородцев, т. е. нерусских, плативших особый налог — ясак). Вместо старых, натуральных монастыри вводили различные денежные повинности и увеличивали денежный оброк,

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 20, стр. 645.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 70.

захватывали крестьянские пашни, сенокосы, леса, пу-
стоши и т. п.

Государственные крестьяне зависели от одного «гос-
подина» — самого крепостнического государства. Среди
них были формально свободные потомки черносошных
крестьян, наиболее многочисленные на севере, ясачные
крестьяне (татары, мордва, чуваша, марийцы, удмурты
и др.).

Многие государственные крестьяне, русские и нерус-
ские — татары, чуваша, удмурты и др. — были припи-
саны к государственным и частным заводам. Приписан-
ных к частным заводам государственных крестьян, ранее
лишь часть времени работавших на предприятиях, начи-
нают насильственно переводить на заводы. Растет число
крепостных работных людей: вотчинных, посессионных,
купленных, переведенных на заводы, отданных заводам
по особым указам и т. д. Так пополнялись ряды масте-
ровых и работных, составлявших кадры квалифициро-
ванной рабочей силы. Этот процесс особенно характерен
для Урала, являвшегося в XVIII в. центром металлур-
гии России. В. И. Ленин подчеркивал, что «крепостное
право служило основой высшего процветания Урала...»¹.

Приписанные к заводам Урала крестьяне трудились
здесь от 60—70 до 110—160 дней в году, отработывая
внесенную за них государству заводчиком подушную по-
дать. Заводская администрация заставляла отрабаты-
вать за больных и престарелых, отвечать за инструмен-
ты, выплачивая нищенскую «плакатную плату», брать
хлеб в заводских лавках по высокой цене. Рабочий день
продолжался от 10 часов зимой до 14—15 часов летом
(«от зари до зари»). Условия труда были очень тяже-
лыми: холодные, грязные, полутемные помещения, страш-
ная жара в литейных и кузницах, сквозняки и угар.
Существовала целая система жестоких наказаний: ба-
тоги, кнуты, палки, плети, кандалы, тюрьмы, карцеры.
Все это вело к крайнему обострению классовых проти-
воречий между работным человеком и владельцами пред-
приятий. Но это еще не была борьба пролетариата с
капиталистами: работные люди мало, а то и вовсе ни-
чем не отличались от крестьян, а предприниматель часто

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 485.

выступал как феодал, даже если и был выходцем из купечества.

В еще более худшее положение попали ясачные — трудовой люд нерусских народностей Поволжья, Приуралья и Зауралья. У мордовских, удмуртских, марийских, чувашских и татарских крестьян помещики, заводчики, монастыри отбирали земли и угодья, покосы и леса. На нерусское население Приволжья и Приуралья падали различные повинности: строительная, подводная, постоянная и др. Оно вынуждено было содержать чиновников, охранять леса, рубить и доставлять корабельный лес, платить подушную подать, поставлять рекрутов. Произвол властей, взяточничество, незаконные поборы, грабеж, надругательства ухудшали и без того тяжелое положение «ясачных инородцев». Многие из них были приписаны к заводам, к Казанскому Адмиралтейству и трудились рядом с русскими работными людьми.

От светских властей не отставали и церковные. Православная церковь усиливала гнет, притесняя «иноверных» и грабя «новокрещенных».

Тяжело приходилось и трудовому населению Башкирии. Строительство заводов, крепостей, расширение помещичьих владений сильно теснило башкир с их исконных земель. В. И. Ленин писал: «...«колонизаторы» сводили корабельные леса и превращали «очищенные» от «диких» башкир поля в «пшеничные фабрики»¹. На рядовых башкир падали различные денежные и натуральные повинности, злоупотребления чиновников усиливали их разорение. Царское правительство наложило свою тяжкую длань и на калмыков, оттесняя их с кочевий и подчиняя особой, специально выработанной системе управления. И если башкирские, татарские, калмыцкие и прочие феодалы находили общий язык с русским дворянством, с царизмом, то трудовой «ясачный» люд пришел «в разорение и крайнюю гибель», в «крайнее изнеможение». Естественно, что ему оказалось по пути с русским трудовым народом, а не со своей единой верной, единой язычной социальной верхушкой.

Добралось царское правительство и до казачества. Донское и украинское, яицкое и волжское, терское и сибирское казачество сложилось из простого народа, в

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 3, стр. 253.

первую очередь из крестьянства. Казаки, по выражению А. И. Герцена, — это «витязи-мужики, странствующие рыцари черного народа»¹.

Подавляющее большинство казаков — потомки беглых крестьян, уходивших на «вольные» земли. Не каждый беглый, стремившийся на Тихий Дон или в Запорожскую Сечь, на Яик или Терек, достигал этих «обетованных» в его представлении земель, не каждый становился казаком. Для этого нужны были решительность, отвага, энергия, здоровье, сила и удача. И когда беглый становился казаком, он, казалось, достигал своего идеала — вольный человек на вольной земле. Но приходило время, и он понимал, что жестоко ошибся. Из Петербурга на Дон и Яик, на Волгу и Терек надвигалось «регулярство» с его постоянной и трудной службой, ограничениями и притеснениями, постепенной ликвидацией старинных, добытых кровью и саблей казачьих прав. Казацкая старшина теснила казацкую бедноту, подчиняла ее своей власти, ревниво берегла свои привилегии, верой и правдой служила царизму, стремясь получить чины и дворянское звание и превратиться в феодалов, в казачье дворянство. Так по всей стране назревали условия для социального взрыва огромной силы, для крестьянской войны.

Классовая борьба в крепостной России носила различные формы. Характер социального бедствия для помещиков принимало массовое бегство крестьян. Вооруженные копьями и саблями, ружьями и пистолетами, нередко даже небольшими пушками, отряды беглых в несколько десятков человек действовали повсюду, но особенно активны они были в Поволжье, прославленном краю «понизовой вольницы». Отряды беглых были неуловимы, так как им помогали крестьяне, снабжая пищей и одеждой, укрывая от преследований. Всюду горели «дворянские гнезда», истреблялись помещики и приказчики, а нередко и «первостатейные» крестьяне. Помещиков охватывали ужас и «крайнее уныние». Многие из атаманов «понизовой вольницы» — Рошин, Кулага, Кирпишников, Посконнов — впоследствии приняли активное участие в крестьянской войне 1773—1775 гг.

¹ А. И. Герцен. Соч., т. XII. М., Изд-во АН СССР, 1957, стр. 110.

Наиболее опасной для феодалов формой классовой борьбы крестьян явились восстания, которые охватывали всю европейскую часть России. С 1762 по 1772 г. произошло свыше 160 восстаний только помещичьих и государственных крестьян. В десятках сел вооруженные кольями и рогатинами, косами и топорами крестьяне «творили непослушания и противности». Нередко в руках крестьян оказывались и ружья. Далеко не всегда воинским командам удавалось быстро справиться с восставшими.

Восстания охватывали также села и деревни, принадлежащие монастырям. Особенно сильными и длительными были восстания крестьян Саввин-Сторожевского (Звенигородский и Рузский уезды), Новоспасского (Шацкая провинция) и Далматовского (Урал) монастырей («дубинщина»). Крестьяне собирались на сходы, избирали своих «выборных» старост и «челобитчиков», создавали и вооружали отряды, организовывали оборону, вели борьбу с «прожиточными» крестьянами, изменявшими «мирскому делу», оказывали посильную помощь соседним отрядам. История сохранила имена крестьянских предводителей — Михаила Мирзина, Петра Батицына, Кузьмы Мерзлякова и других. В 50-е — начале 70-х годов произошло более 60 восстаний монастырских крестьян, охвативших всю Россию от Подмосковья до Западной Сибири.

Усилилась классовая борьба работных людей. В 1752 г. восстали крестьяне Ромодановской волости, работавшие на железоделательных заводах Н. Демидова. Восстание перебросилось на мануфактуры Гончарова и Лугинина, на окрестные села, нашло отклик в Калуге, отразилось на деятельности отрядов беглых («партий»), с которыми восставшие установили связь. Используя все способы борьбы — посылку ходоков, подачу челобитных, уход с работы, — работные люди поднялись, наконец, на вооруженное восстание. Их борьба отличалась упорством и настойчивостью. Не случайно посланный в Ромодановскую волость воевода писал о работных людях: «Оные люди против крестьян со многим преимуществом к дракам весьма склонны».

В 1761 г. начались волнения работных людей Липецкого, Козьминского и Боренского заводов под Воронежем, длившиеся 5 лет. На севере вспыхнуло возглав-

ляемое Климом Соболевым восстание рабочих людей, центром которого стал Кижский погост (1769—1771 гг.). Но особенной остроты достигла классовая борьба в 60-х годах XVIII в. на металлургических заводах Прикамья, Урала и Западной Сибири. Восставшие рабочие люди создавали свое выборное управление — «мирские избы», собирали сходы, сносились с соседями, выносили «мирские приговоры», посылали ходоков с челобитными, бросали работы, оказывали вооруженное сопротивление. Рабочие люди Урала выдвинули из своей среды таких выдающихся руководителей, как Панфил Степанов, Андрей Катков и будущий пугачевский полковник Карп Карасев.

Восставшие рабочие люди стремились к тому же, к чему стремились и крестьяне, — к земле и воле. Они хотели избавиться от «тяжелых заводских работ» и вернуться в свое исходное, крестьянское состояние. Для них была характерна идеология крестьянства, ибо в эту эпоху «о выделении рабочего класса из общей массы крепостного, бесправного, «низшего», «черного» *сословия* не могло быть и речи»¹. Крестьяне и рабочие люди по-своему, как умели и как могли, боролись с крепостничеством.

Рука об руку с русским трудовым людом против крепостнического гнета, сочетавшегося с национальным угнетением, боролись чуваша, татары, удмурты, мордва, башкиры и др. В 1759 г. вспыхнуло восстание в Башкирии, через 3 года волнения охватили удмуртские деревни, а в 1763—1767 гг. участились восстания среди чувашей.

Нарастали грозные события. Екатерина II предчувствовала «грядущую беду» и опасалась, что «бунт всех крепостных воспоследует».

«Шатость» охватила и казачьи городки на Дону и Яике. Яицкое казачество раскололось на два враждебных лагеря. За спиной «послушной стороны» стояло правительство. Рядовое казачество, страдавшее от тяжелой службы, от притеснений и грабежа со стороны старшин, составляло «войсковую», «непослушную сторону». Волнения на Яике начались в 1762 г. Они то затихали, то вновь усиливались. Правительство «тянуло руку» старшины, посылало на Яик комиссию за комиссией, угро-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 25, стр. 93.

жало, расправлялось с «непослушными». В 1772 г. в Яицком городке вспыхнуло восстание. Казаки убили атамана Тамбовцева и генерала Траубенберга. В восстании активное участие приняли казаки Андрей Витошнов, Максим Шигаев, Афанасий Перфильев — будущие пугачевцы. «Войсковая партия» потерпела поражение, казаков ждала суровая расправа. Однако казачество не смирилось. Немало казаков «войсковой стороны» продолжало оставаться «непослушными» и только ждало случая, чтобы взяться за оружие. И такой случай быстро представился. На Яике появился «набеглый царь» — Пугачев, порожденный казачеством и возглавивший его движение.

Грозные события последней в истории России крестьянской войны, охватившей необозримые просторы страны в царствование Екатерины II, поразили воображение и современников, и потомков. И, естественно, взоры всех привлекал к себе образ ее предводителя Емельяна Ивановича Пугачева.

Современники Пугачева не остались безразличными к его личности и судьбе. Для одних он был народным, крестьянским вождем, тем «хорошим царем», о котором наивно помышляли многомиллионные массы крестьянства, рабочего люда, казачества. Для других он был «злодеем», «самозванцем», «бунтовщиком», «вором», «кровопийцем», «разбойником», посмевающим поднять руку на их собственность, угрожать их благополучию и жизни. Одни складывали о нем сказы, из уст в уста передавали предания, пели песни и «рассказывали истории», «положенные на голос», для них он оставался «Красным Солнышком», «Емельяном-батюшкой», «радельным до мужиков», «богатырем», «атаманом», «добрым молодцем», и даже когда «погиб Емельянушка, то слава о нем не погибла». Другие с амвонов церковей предавали его анафеме, шельмовали и проклинали в манифестах, указах и обращениях, свирепо и беспощадно преследуя и искореняя все, что относилось к Пугачеву, и под страхом «мучительнейшей смерти» запрещали даже упоминать подлинное имя вождя мятежных масс, заменив его стандартной и злобной формулой «известный вор, злодей и самозванец». Даже к изображениям Пугачева не относились безразлично. Власти жгли его «рожу», «харю» на кострах и изображали Пугачева исчадием ада,

которому грозит «геенна огненная и дьявол», а для трудового люда Пугачев представлял таким, каким изобразил его неизвестный художник-старовер, который в сентябре 1773 г. в Илецком городке написал его портрет поверх портрета Екатерины II. Глаза Пугачева, умные и выразительные, глядят с написанного старообрядцем портрета спокойно и задумчиво. И в сознании последующих поколений Емельян Пугачев запечатлелся как выдающаяся личность, с именем которого связана история величайшей крестьянской войны в самодержавно-крепостнической России.

Емельян Иванович Пугачев родился на Дону в «доме деда своего» в станице Зимовейской, в той самой Зимовейской, где за сто лет до него родился другой вождь мятежного крестьянства Степан Тимофеевич Разин. Зимовейская станица считалась еще в XIX в. «малороссийской», что свидетельствовало о наличии среди ее обитателей немалого числа переселенцев с Украины, а переходы на Дон с Днепра «повелись исстари». Возможно, что и семья Пугачевых была украинского происхождения. Деда Емельяна Ивановича звали Михайла Пугач, а «пугач» по-украински означает «филин».

Год рождения Пугачева можно установить только со слов его самого. На допросах, учиненных ему в 1774 г. в Яицком городке и в Москве, он говорил, что «от роду» ему 32 года, что «считает себе тридцать третий год». Следовательно, Емельян Иванович Пугачев родился в 1742 г.

Семья Пугачева жила в Зимовейской станице давно. Казаками были и отец его, Иван Михайлович, и дед Михайло, прозвище которого Пугач обусловило и фамилию Пугачевых.

Мать Пугачева, Анна Михайловна, также была донской казачкой. Емельян был младшим сыном. Старший сын Дементий рано женился и отделился от отца. Кстати, заметим, что Дементий Иванович Пугачев «в злодействе его участия не имел и служил во время Турецкой войны порядочно с должной верностью», за что был

освобожден от присмотра, награжден 100 рублями с приказанием впредь именоваться «Дементием Ивановым».

Пугачевы, по словам самого Емельяна Ивановича, «были простые казаки». Юность его прошла в труде и бедности. Еще мальчиком он помогал отцу, работал в поле и «боронил за отцом землю». До семнадцати лет Пугачев жил в доме отца, умершего спустя четыре года. В семнадцать лет Пугачев начал казацкую службу и был записан «в казаки... на место отца своего», ушедшего в отставку. На втором году казацкой службы он женился на дочери казака Есауловской станицы Софье Дмитриевне Недюжевой. Жена Пугачева, человек «слабый и тихий», уже через неделю провожала своего мужа в поход — молодой казак отправлялся в составе команды в Пруссию, где он оказался в войсках под командованием З. Г. Чернышева. (Впоследствии имя графа Захара Чернышева будет носить пугачевский полковник, яицкий казак Иван Никифорович Зарубин-Чика).

Шла Семилетняя война. Русская армия сражалась против прусских войск «скоропалительного короля» Фридриха II. В период военных действий против Пруссии Пугачев находился в команде донских казаков под начальством полковника И. Ф. Денисова. За «отличную проворность» Денисов взял Пугачева к себе в ординарцы. Но когда однажды ночью во время стычки с неприятелем в суматохе ночного боя Пугачев упустил одну из лошадей Денисова, не спасла и «отличная проворность» — по приказу полковника Пугачев был бит «нещадно плетью». Так Пугачев самолично познакомился с той жестокостью и бесчеловечностью, которая составляла характерную черту крепостной России и возглавлявшего ее царизма. Надо полагать, что эта первая обида не могла пройти бесследно для Пугачева. Три года Пугачев находился в действующей армии. Он побывал в Торуне, Познани, Шермицах, участвовал во многих сражениях, но пуля и сабля щадили его и, по словам самого Пугачева, он был «ничем не ранен».

В 1762 г. Пугачев вернулся в Зимовейскую станицу, где и прожил около полутора лет.

В 1764 г. в составе казачьей команды Пугачев был отправлен в Польшу, где в Белоруссии, входившей тогда

в состав Польши, скрывались русские староверы, вынужденные покинуть родину, спасаясь от преследований церковных властей и правительства. Из Польши Пугачев вернулся домой, где прожил четыре года, иногда направляясь куда-либо в составе казачьих «партий».

В 1768 г. началась война с Турцией. И вот Пугачев снова садится на коня. В команде полковника Е. Кутейникова он получает за храбрость младший казацкий офицерский чин хорунжего. Пугачев принимает участие в ряде сражений с турками, в том числе и в бою под Бендерами под началом П. И. Панина. И кто в то время мог знать, что придет пора, и не кто иной, как именно граф П. И. Панин, полководец царской армии, грозный «усмиритель» крестьянской войны, вынужден будет как с равным скрестить свой меч с полководцем великого крестьянского воинства Пугачевым, не так давно безвестным хорунжим! Правда, уже в те времена у Пугачева проявилось стремление чем-то отличиться, чем-то выделиться, «произвести себя отличным от других». Будучи «отлично проворным», он мог рассчитывать на успех. И так как Пугачеву «отличным быть всегда хотелось», то он не остановился перед тем, чтобы однажды, показывая товарищам свою действительно хорошую саблю, заявить, что она подарена ему крестным отцом... Петром Великим! Не тогда ли у него родилась та неясная мысль «отличиться», которая со временем сделает «крестника Петра Великого» императором Петром Федоровичем?

На зимних квартирах в Голой Каменке у Елизаветграда (ныне Кировоград) Пугачев тяжело заболел — «гнили у него грудь и ноги» — и вскоре вернулся домой, где ждала его семья: жена, сын Трофим и дочери Аграфена и Христина. Он приехал в Черкасск и пытался уйти в отставку, но его не отпустили и предложили лечь в госпиталь. Пугачев отказался, предпочитая лечиться «на своем коште». Из Черкасска он направился к сестре Федосье. Она с мужем, казаком С. Н. Павловым, жила в Таганроге, куда Павлов с другими казаками был направлен «на вечное жительство». Служба в Таганроге была тяжелой, и многие казаки числились в бегах. И вот два казака задумались. Жить тяжело. Что делать? Надо уйти, бежать. Но куда? «На Русь?» —

поймают. «В Запорожскую Сечь?» — без жены «бску-чишься, а с женой и там схватят. «В Прусь?» — не попадешь. Казалось, что единственно, куда можно бежать, — это «семейное» казачье войско на Тереке.

Так и решили. Но от решения до претворения его в жизнь было далеко. Даже за перевоз на «ногайскую сторону» Дона грозила смерть. Пугачев перевез Павлова, но сам за ним не последовал. Не найдя дороги, Павлов с товарищами вернулся, был арестован и указал на Пугачева, перевезшего его на «ногайскую сторону». Зная, что ему грозит, Пугачев бежал в степь. Вернувшись оттуда, он сам поехал в Черкасск, чтобы снять с себя обвинение в бегстве, но был арестован, бежал, скрывался в камышах, потом вернулся домой, справедливо рассудив, что здесь искать его не будут. Во всех этих поступках сказывается натура Пугачева — свобододолюбивая, упорная, настойчивая, храбрая, осторожная.

Пугачев стремится уйти от пут, которыми Петербург связывал вольнолюбивых сынов Тихого Дона, найти тот обещанный край, где простой казак мог бы жить свободно и безбедно. И вот январь 1772 г. застает его на Тереке в станице Ищерской. На Тереке жило немало переведенных сюда донских казаков, получавших меньшее жалованье, чем коренные терцы. Казаки-новоселы волновались. На сходе нескольких станиц они избрали Пугачева ходатаем по своим делам перед Государственной военной коллегией. По дороге, в Моздоке, Пугачев был арестован, но, сумев привлечь на свою сторону караульного солдата, бежал и в скором времени оказался в Зимовейской. Арестованный и взятый на поруки казаком Худяковым, он снова бежал. Так Пугачев становится для властей фигурой одиозной, бунтарем и беглецом, человеком опасным, за связь с которым следовало строго наказывать. Тем временем Пугачев объявляется на Украине среди старообрядцев и, наконец, в Белоруссии, в Ветке, где пробыл всего неделю. Недалеко от Ветки, на Добрянском форпосте, царские власти организовали прием возвращающихся в Россию беглых. Пугачев явился к коменданту Добрянского форпоста, назвал своим именем, но указал, что он уроженец Польши. Вместе с другим «выходцем», беглым солдатом А. С. Логачевым Пугачев был направлен в карантин.

На Добрянском форпосте у Пугачева родилась мысль объявить себя Петром III. Еще до бегства в Ветку Пугачев узнал, что Яик «помутился» и казаки «бунтовали и убили генерала». Слух о волнении яицкого казачества он не оставил без внимания.

Но почему Пугачеву пришла в голову мысль выступить не под своим именем, а под именем императора Петра III?

Как только классовая борьба в России стала выливаться в грандиозные крестьянские войны, их руководители начали выступать от имени царя. Болотников называл себя «большим воеводой» царя Дмитрия Ивановича, под именем которого действовали самозванцы, являвшиеся ставленниками польских панов. Разин выступал от имени царевича Алексея Алексеевича.

Пугачев не выступал от имени царя — он был сам «царем», «третьим императором».

Самозванство, широко распространенное в России XVII—XVIII вв., отражало присущий русскому крестьянину того времени наивный монархизм, его патриархальную веру в «хорошего царя», веру в то, что царь-то хорош, но плохи бояре да дворяне.

Ф. Энгельс писал: «Русский народ... устраивал, правда, бесчисленные разрозненные крестьянские восстания против *дворянства* и против отдельных чиновников, но *против царя — никогда*, кроме тех случаев, когда во главе народа становился *самозванец* и требовал себе трона. Последнее крупное крестьянское восстание при Екатерине II было возможно лишь потому, что Емельян Пугачев выдавал себя за ее мужа, Петра III, будто бы не убитого женой, а только лишенного трона и посаженного в тюрьму, из которой он, однако, бежал»¹.

Пугачев отнюдь не был первым самозванным Петром Федоровичем — семь его предшественников именовались Петром III и один Петром II.

На первых допросах, желая отвести от себя обвинение в инициативе присвоить себе имя покойного императора, Пугачев сослался на купца Кожевникова, солдата Логачева, казаков Долотина, Коровки и других, которые якобы заметили в нем сходство с Петром III и посоветовали взять его имя. Впоследствии Пугачев, од-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. 18, стр. 547.

нако, заявил, что на всех этих людей он «показал ложно».

Учитывая живое воображение Пугачева, его стремление отличиться, вряд ли можно сомневаться в том, что идея самозванства ему не была подсказана кем-либо со стороны, а возникла у него самого на Добрянском форпосте. Впоследствии на очной ставке с Логачевым Пугачев подтвердил, что последний «никакого моего злого умысла не знал». «Злым умыслом» и была идея самозванства, овладевшая Пугачевым.

Было время, когда Пугачев выдавал себя за крестника Петра Великого. Но тогда это вызывало лишь смех. Придет пора, и, взяв имя внука Петра I, «рожак» (уроженец) Зимовейской станицы Емельян Пугачев вызовет на лицах дворян не усмешку, а ужас.

12 августа 1772 г., после окончания карантина, Пугачев получил паспорт и вместе с Логачевым отправился в Малыковскую волость (Малыковка — ныне город Вольск Саратовской области). Ехали через Глухов, Черниговку, станицу Глазуновскую на Дону и, наконец, через Саратов добрались до Малыковки. По пути Пугачев распространил слухи, что он богатый купец, человек бывалый, повидавший и Царьград (Константинополь) и Египет. Из Малыковки надо было уехать в Симбирск «записаться». Пугачев со своим спутником попросил разрешения остаться в Малыковке и, получив его, направился к старообрядческому игумену Филарету в Мечетную слободу (ныне город Пугачев Саратовской области). Встретиться с Филаретом Пугачеву советовали раскольники Кожевников и Коровка. Пугачев рассказал Филарету о том, что он думает предложить яицким казакам уйти на Кубань, как некогда, при Петре Великом, ушли участники восстания Булавина — донские казаки под водительством Игната Некрасова («некрасовцы»). Это был решительный шаг — земли Кубани тогда принадлежали Турции. Покинуть родину и уйти в «Туреччину» решился бы далеко не каждый. Филарет поддержал план Пугачева: «Яицким казакам великое разорение», и «они с тобой с радостью пойдут», — говорил он Пугачеву.

Беседа с Филаретом укрепила Пугачева в его намерении. Он все больше убеждался, что на Яике «скорей, чем в другом месте, его признают и помогут».

Пугачев направился в Яицкий городок. Не доезжая 60 верст до городка, Пугачев остановился на умете (постоялом дворе) пехотного солдата Степана Оболяева, по прозвищу Еремина Курица. Выдавая себя за купца, Пугачев стал интересоваться, как живут яицкие казаки. Оболяев нарисовал мрачную картину. Пугачев спросил, не пойдут ли за ним яицкие казаки к некрасовцам на Кубань? Получив утвердительный ответ, он попросил познакомиться его с казаками. Вскоре на умет пришли братья Закладновы. Они сказали Пугачеву, что яицкие казаки собираются «всем войском бежать в Астрабад», в Персию. Закладновы охотно откликнулись на предложение Пугачева уйти на Кубань. Решили держать все в секрете.

22 ноября 1772 г. Пугачев с попутчиком Филипповым приехал в Яицкий городок и остановился в доме у казака-старовера Дениса Степановича Пьянова.

Яицкий городок жил тревожной, напряженной жизнью. Жестокие репрессии обрушились на казачество. Ждали новых, еще более тяжких кар — царица должна была утвердить «сентенции», обрекавшие Яик на суровые испытания.

В такой обстановке, когда казаки переходили от отчаяния к надежде, по Яику поползли слухи об «объявившемся» в Царицыне «Петре Федоровиче». Им был беглый крестьянин Федот Богомолов. Одни говорили, что «Петра Федоровича» схватили в Царицыне и засекли, другие утверждали, что он скрылся. Этими слухами Пьянов поделился с Пугачевым. Пугачев настоялся. Он заявил, что «государь» спасся и в Петербурге, и в Царицыне. Пугачев говорил Пьянову: «Как-де вам, яицким казакам, не стыдно, что вы терпите такое притеснение...» Он советовал казакам уйти в «турецкую область», на реку Лабу, обещая каждому по 12 рублей. На вопрос изумленного Пьянова, где он добудет столько денег, Пугачев ответил, что он «заграничный торговый человек» и в деньгах не нуждается. Пьянов заверил своего собеседника, что казаки охотно уйдут на Кубань, где давно уже обосновались ушедшие в «Туреччину» казаки-староверы. Увидев в Пьянове единомышленника, Пугачев решил рискнуть: «Вот, слушай, Денис Степаныч, хоть поведешь ты казакам, хоть не

поведаешь, как хочешь, только знай, что я — государь Петр III».

Так Пугачев впервые назвал себя императором. На вопрос изумленного Пьянова, как же спасся «государь», Пугачев ответил, что его спасла гвардия, взяв «под караул, а капитан Маслов отпустил».

Пьянов поговорил «с хорошими людьми». Решили подождать до рождества, когда казаки соберутся на багренье (лов рыбы). Тогда они и «примут» Пугачева. Пугачев отправился в обратный путь и в Малыковке, по доносу Филиппова, был схвачен. Его обвинили в намерении увести яицких казаков на Кубань. Пугачев категорически отрицал свою вину, заявив, что он только рассказывал, как некогда увел на Кубань донских казаков Игнат Некрасов. Из Малыковки Пугачева отправили в Симбирск, оттуда в Казань, где в январе 1773 г. заключили в тюремные «покои». Пугачеву удалось установить связь с купцом-старообрядцем Василием Щелоковым, которого ему рекомендовал Филарет. Щелоков навестил Пугачева. Зная приверженность к «старой вере» своего будущего покровителя, Пугачев сказал ему, что сидит в тюрьме «по поклевному делу, да за крест и бороду» и попросил заступничества. Щелоков обещал помочь ревнителю «старой веры» из донских казаков, но особой активности не проявил. Вскоре Пугачев заболел, и по его просьбе с него сняли ручные кандалы и заменили тяжелые ножные кандалы легкими. Во второй половине марта Пугачева в сопровождении солдата отпускали бродить по городу «для прошения милостыни». Потом колодников стали посылать работать на Арское поле. У Пугачева возникла мысль о побеге.

В трезвом, спокойном, сдержанном, смиренном колоднике, пострадавшем за «крест и бороду», вряд ли кто мог увидеть будущего вождя крестьянской войны. Казанский губернатор фон Брандт в своем письме в Сенат расценивал разговоры Пугачева с Филипповым о своих планах в отношении яицкого казачества как пьяную болтовню невежественного казака и считал возможным наказать его кнутом и отправить на постоянное жительство в Сибирь.

Петербург санкционировал предложение казанского губернатора. По именному указу Екатерины II приказывалось «учинить» Пугачеву «наказание плетью», от-

править в Пелым, «где употреблять его в казенную работу... давая за то ему в пропитание по три копейки в день». Письмо генерал-прокурора Вяземского с «именным повелением» императрицы Брандт получил 3 июня, но «исполнение по тому указу не было учинено» — 29 мая Пугачев и его товарищ по заключению Дружинин, подговорив одного солдата и напоив до пьяна другого, бежали в кибитке. Это был четвертый побег Пугачева.

О бегстве Пугачева Брандт не торопился сообщить в Петербург, но когда эта весть все же пришла в столицу, на этот раз в Петербурге, лучше, чем в Казани, поняли, какую опасность представляют действия уроженца Зимовейской станицы, беглого донского казака Емельяна Ивановича Пугачева.

Уже тогда кое-кто в Петербурге понимал, что Пугачев — «пронырливый и в своем роде прехитрый и замысловатый». Пока шла переписка об «утеклецах», Пугачев через Алат, Котловку и Сарсасы по Каме вернулся на юго-восток, проехал мимо Яицкого городка и повернул на Таловый умет. В конце июля или начале августа (между «Петровым днем» и «Успеньевым днем») Пугачев был уже у своего старого знакомого Оболяева.

Пугачев приехал на Таловый умет в кибитке, запряженной парой лошадей. «Платье на нем было крестьянское, кафтан сермяжный, кушак верблюжий, шляпа распущенная, рубашка крестьянская, холстинная, у которой ворот вышит был шелком, наподобие как у верховых мужиков, на ногах коты и чулки шерстяные белые».

Нелегким был жизненный путь Пугачева. «Где да где уж я не был, и какой нужды не потерпел! Был холоден и голоден, в тюрьмах сколько сидел — уж только одному богу ведомо», — говорил Пугачев. Но в жизни его происходит перелом. До сих пор он искал воли, хорошей жизни, искал благодатный край, землю обетованную. Она ему мерещилась на Тереке и в Бессарабии, в Белоруссии и на Иргизе, на Кубани и на Лабе, в «турецкой стороне», как некогда за сто лет до этого пытался разыскать ее в «персидской стороне», у «кызыл-башей» его земляк Степан Тимофеевич Разин.

Поисками вольной, свободной жизни в годы странствий и скитаний Пугачев отдал дань той форме социаль-

ного протеста трудового люда, его борьбы с крепостнической системой, которая находила проявление в бегстве, в стремлении уйти от этой системы в такие края, где можно было бы укрыться от ее тяжелого бремени. Но именно эти годы скитаний убедили Пугачева в том, что таких земель нет, что «по всей России чернь бедная терпит великие обиды и разорения». Уйти некуда — всюду чиновники и офицеры, суды и тюрьмы, всюду полуголодная жизнь, нищета, страх, неуверенность в завтрашнем дне, всюду насилие, ложь, всюду изломанные, страдавшие люди, потерявшие веру в справедливость и честность. Пугачев стал понимать, что уйти от этого мира гнета и нищеты некуда, и единственный способ добиться воли — это бороться с этим миром и ниспровергнуть его. В своих скитаниях, сталкиваясь с крестьянами и солдатами, работными людьми и колодниками, казаками и раскольниками, Пугачев все больше убеждался в том, что народ подобен пороховому погребу.

Кто поднесет факел?

У Пугачева нашлось достаточно мужества, смелости и умения для того, чтобы поднять и возглавить крестьянское восстание.

Начало крестьянской войны.

Осада Оренбурга.

Пребывание Пугачева на Таловом умете у Оболяева и посещение им Пьянова не остались без последствий для Яицкого городка.

Таясь, «с опаской» казаки передавали друг другу вести, что «государь был у Пьянова в доме». О слухах, будораживших казаков, знали и власти. Вельможный Петербург нервничал. По указу Военной коллегии, Рейнсдорп разыскивал Пугачева, а комендант Яицкого городка Симонов выслал для поимки опасного «утеклеца» «пристойные команды».

Но Пугачев не собирался покинуть Яик. Тяга к яицкому казачеству, которое только недавно поднималось да и теперь еще не успокоилось, привела Пугачева вновь на Таловый умет Ереминой Курицы. Только теперь на-

шел здесь себе приют не донской казак, не купец, а «государь Петр Федорович». Весть о том, что на постоялом дворе «объявился» сам государь, стала распространяться среди казаков. Верили ли казаки, что в простом крестьянском платье, в посконной рубахе стоит перед ними подлинный «Третий император» — Петр Федорович? Скрывал ли перед ними Пугачев то, что сам он — плоть от плоти и кровь от крови казачества, а отнюдь не чудом спасшийся от рук убийц, подосланных его женой Екатериной, голштинский герцог и «случайный гость русского престола» Петр III?

От первых яицких казаков, отозвавшихся на его призыв, Пугачев имени своего не таил, открылся перед ними в том, что он простой донской казак, Емельян Иванов Пугачев, содержался в Казанской тюрьме, откуда бежал, скитался по степям и теперь ищет убежища от преследующих его властей.

Казаки не придавали особого значения тому, кто был перед ними — подлинный император Петр Федорович или донской казак, принявший его имя. Важно было то, что он становился знаменем в их борьбе за права и волю. «Лишь быть в добре... войсковому народу», — так рассуждали казаки. Им, видимо, даже нравилось, что «государь» — свой брат, простой казак. Вот почему в поведении казаков по отношению к Пугачеву первое время наблюдается какая-то странная смесь уважения, оказываемого государю, с обращением, характерным для людей, равных друг другу. Говорили с ним «без опаски», ходили в шапках, сидели рядом, и «государь» еще не давал целовать руку.

Но так было только в отношении тех первых примкнувших к Пугачеву казаков, которые должны были знать правду. Кто приходил позднее, тот заставлял на уме «императора Петра Федоровича», который показывал «царские знаки» — память о тех временах, когда у него болели грудь и ноги. И казаки верили или делали вид, что верят и ему самому, и «царским знакам», которые, как полагал русский люд, отличают царя от простого смертного. Так казаки решили «принять в войско появившегося государя, хотя бы он подлинной или неподлинной был». Пугачев привел приехавших к нему казаков к присяге. Достали складни (иконы), и, стоя на коленях, казаки поклялись в верности «государю». «Государь»,

тоже став на колени, обещал жаловать яицких казаков рекой Яиком с притоками, лугами, землями, угодами, солью и восстановить все их вольности.

С Талового умета Пугачев переехал на хутор братьев Кожевниковых, оттуда на реку Усиху. Сюда съезжались «верные» люди: казаки В. Коновалов, И. Почиталин, И. Харчев, К. Фофанов и другие, калмык Сюзюк Ма-лаев, татарин Барын Мустаев, башкир Идыр Баймеков, его приемный сын туркмен Болтай. Иван Почиталин стал первым секретарем неграмотного Пугачева, а «тол-мач» Болтай — «писцом татарского языка».

Первые пугачевцы действовали решительно и энергично, стремясь «подправить орлу крылья»: к Пугачеву стекались казаки, верные ему. Казаков, согласных «принять» Пугачева, становилось все больше. Старики из «войсковой стороны» разрабатывали план выступления Пугачева, когда все «пойдут на плавную» (лов рыбы).

Но и власти не дремали. К хутору Кожевниковых, где не так давно жил Пугачев, спешил отряд правительственных войск. Пугачев, узнав об этом, скомандовал: «Казаки, на кони!».

Выехали в степь, но куда путь держать? Поехали на хутор к Толкачевым. Пугачев волновался — ведь они ехали на хутор «собирать народ», а у них не было никакого письменного обращения к народу. «Ну-ка, Почиталин, напиши хорошенько», — обратился он к своему будущему секретарю. Казаки остановились в поле, и Почиталин «писал, что хотел». Он знал, что Пугачев обещал казакам «реки, моря, леса, крест и бороду», «ибо сие для яицких казаков надобно», и, естественно, писал первый манифест в силе обещаний «Петра III». Наконец, манифест был составлен. Его надобно было подписать «государю», но Пугачев был неграмотен. Однако обычная находчивость не изменила ему — он приказал Почиталину подписать манифест, так как ему, «государю», «подписывать невозможно до самой Москвы», а почему — «в этом великая причина». Тут же Почиталин зачитал манифест. Всем казакам он «понравился больно», и они в один голос говорили, что «Почиталин горазд больно писать».

В ночь на 16 сентября прибыли на хутор Толкачевых. Здесь утром с речью перед казаками выступил Пугачев. Он призывал их послужить ему верой и правдой, жало-

вал казаков реками и травами, денежным жалованьем, хлебом, свинцом, порохом и обещал «вольность восстановить» и обеспечить всем «благоденствие».

Пугачев приказал Почиталину прочесть вновь манифест. Все слушали «весьма прилежно». Пугачев спросил: «Што, хорошо ль?» — Казаки хором ответили, что хорошо, и обещали служить верно.

Утром 17 сентября на хутор Толкачевых собралось человек шестьдесят казаков, калмыков и татар. Снова был зачитан манифест. «Император Петр Федорович» жаловал казаков, калмыков и татар рекой Яком, землей, травами и всяким «жалованьем». Этот манифест, помеченный 17 сентября 1773 г., дошел до нас. В тот же день войско Пугачева двинулось на Яицкий городок.

Началась Крестьянская война.

Поражает та исключительная смелость, с которой действовали Пугачев и его соратники. Какая же нужна была вера в правоту своего дела, чтобы с таким малочисленным отрядом бросить вызов всей крепостной России!

Смелость Пугачева, его ум, находчивость и энергия завоевали сердца всех, кто стремился сбросить с себя гнет крепостничества. Вокруг недавнего простого донского казака, а теперь «императора Петра Федоровича» собирались все, кто хотел «биться за волю».

Отряд Пугачева двигался на Яицкий городок. Впереди ехали знаменосцы. На знаменах нашит был «крест раскольников». За знаменосцами ехал Пугачев. На Чаганском форпосте произошла встреча Пугачева с муллой Забиром, посланцем казахского хана Нур-Али. Забир бывал в Москве и Петербурге и видел Петра III. Пугачев рискнул и спросил, узнал ли мулла в нем государя. «Как не узнать! Я узнал, что ты государь». Пугачев облегченно вздохнул — он выиграл. На предложение Идеркея Баймекова написать Нур-Али письмо с требованием прислать воинов Пугачев ответил: «Хорошо бы послать, да кто же письмо-то напишет?» Письмо написал приемный сын Идеркея Баймекова «писец» Болтай. 18 сентября отряд Пугачева занял Бударинский форпост, расположенный в 5 верстах от Яицкого городка.

Пугачев стремился избежать кровопролития. Казак Петр Боков повез его манифест, но офицеры отказались прочитать его казакам. В ответ казаки стали пере-

ходить на сторону Пугачева. Среди них были будущие активные руководители крестьянской войны Андрей Витошнов, Максим Шигаев, Андрей Овчинников. Днем и ночью, явно и тайно казаки покидали Яицкий городок и уходили в стан восставших. И все же гарнизон Яицкого городка и «верные» казаки под командованием полковника Симонова численно в 2 раза превосходили войско восставших, у которых не было ни одной пушки. Штурм Яицкого городка, предпринятый восставшими 19 сентября, не увечался успехом — сказалоcь отсутствие артиллерии. И через час, не слезая с лошадей, отряд восставших двинулся вверх по Яику. Прошли 20 верст. У озера Белые Берега остановились кормить лошадей. Почитая старые казачьи обычаи, Пугачев предложил собрать круг. Овчинникова избрали атаманом, Лысова полковником, Витошнова есаулом. Избрали также сотников и хорунжих. Здесь же, по приказу Пугачева, взятый в плен сержант Кальминский составил текст присяги, которую зачитали собравшимся на круг казакам. «Готовы тебе, надежда-государь, служить верою и правдою», — кричали казаки.

Пугачев шел по Яицкой укрепленной линии, в крепостях и форпостах которой он надеялся в первую очередь взять пушки и порох. Без выстрела пугачевцы взяли Гниловский, Рубежный, Генварцовский и другие форпосты. Казаки с форпостов вливались в отряд Пугачева. У восставших появились взятые в форпостах пушки. 21 сентября под колокольный звон пугачевцы вступили в Илецкий городок. Все 300 илецких казаков перешли на сторону Пугачева. Их атаманом на круге избрали Ивана Творогова.

В Илецком городке во время молебна в церкви Пугачев впервые публично заявил о своем отношении к крестьянам и дворянам. Он говорил: «У бояр-де села и деревни отберу, а буду жаловать их деньгами». Чьей собственностью должны были стать отобранные у «бояр» земли, было совершенно очевидно — собственностью тех, кто жил в «селах и деревнях» дворян, т. е. крестьян.

Так, уже в Илецком городке Пугачев заговорил о тех самых «крестьянских выгодах», которые привлекут на его сторону всю «чернь бедную», а о ней он никогда не забывал. Пока что Пугачев компенсировал дворянство

жалованьем, но наступит время, и он призовет крестьянство «ловить, казнить и вешать» дворян.

Из Илецкого городка пугачевцы двинулись дальше. Взяли Рассыпную, Нижне-Озерную и Татищеву крепости, где захватили большое количество амуниции, провианта, соли, пороха, ядер и 13 пушек. В Татищевой Пугачев пробыл три дня.

30 сентября Пугачев вступил в Чернореченскую крепость, от которой до Оренбурга оставалось всего 28 верст. Город не был готов к обороне, но Пугачев этого не знал и, получив неправильную информацию, действовал под Оренбургом осторожнее, чем это было с другими взятыми им крепостями, да и Оренбург не подходил на эти крепости. Пугачев принял предложение татар Сеитовской слободы, или Каргалы, прибыть к ним. В многолюдную Каргалу Пугачев вступил 1 октября. Богатые жители ее бежали в Оренбург, но остальные татары приняли Пугачева «с честью». На обширной площади слободы расстелили ковер и поставили кресло, долженствующее изображать царский престол. Двое татар поддерживали Пугачева под руки, а все остальные, пока он не сел в кресло, пали ниц. 2 октября Пугачев вступил в казачий Сакмарский городок, где ему устроили такую же торжественную встречу.

Пугачев обращался с манифестами и «именными повелениями» к казакам, суля им реки и земли, травы и моря, денежное жалованье, хлеб, порох, и свинец, вечную вольность и нерушимость старой веры, к башкирам, обещая им, «детям... и внучатам» вольную жизнь, освобождение от податей, награждая землями и водами, лесами и травами, денежным и хлебным жалованьем.

Пугачев обращается к «мухаметанцам и калмыкам» и обещает им земли и воды, денежное жалованье и соль, «веру и молитву». Его именные указы обращены к «регулярной команде», «рядовым и чиновным солдатам», которым он жалует деньги, чины и «первые выгоды в государстве».

Первые именные указы Пугачева были обращены к казакам и солдатам регулярной армии, к татарам, башкирам, калмыкам, казахам. В них он видел тех, кто поддерживает его с оружием в руках. И это вполне понятно — в районах, где началось восстание, крестьян почти не было.

Придет пора — она не за горами, когда Пугачев обратится к крестьянству — основной массе той «черни бедной», без активного участия которой он не представлял себе восстания против «бояр».

Пугачевские манифесты распространялись на русском, арабском, татарском и «турецком» (тюрки) языках. Десятки и сотни «распространителей» пугачевских воззваний делали свое дело на обширной территории от яицких степей и побережья Каспия до Башкирии, от Зауралья до Волги. Манифесты и указы Пугачева, представляющие собой «удивительный образец народного красноречия» (А. С. Пушкин), затрагивали в душах бедных слоев населения «самую чувствительную струнку» (В. И. Семеvский).

Между тем власти Оренбурга лихорадочно готовились к обороне города. 30 сентября во всех церквях было прочитано обращение Рейнсдорпа, разоблачающее Пугачева как самозванца. В этом обращении говорилось, что он якобы был наказан кнутом и на его лице палач выжег знаки, и поэтому он никогда не снимает шапки. Эта явная ложь губернской канцелярии была только на пользу Пугачеву — никаких знаков на лице у него не было, и он мог смело заявлять, что генералы и чиновники императрицы лгут и вводят в заблуждение народ, уверяя, что он не император Петр Федорович, а донской казак Емельян Пугачев. Рейнсдорп подослал к Пугачеву Афанасия Соколова-Хлопушу, каторжника, сидевшего в Оренбурге в тюрьме. Хлопуше поручалось за вознаграждение и освобождение «свести» Пугачева в Оренбург, но Хлопуша перешел на сторону Пугачева.

Первые отряды пугачевцев появились у самого Оренбурга 3 октября. К вечеру 5 октября все войско восставших подошло к городу. Чтобы создать впечатление огромной численности своего войска, Пугачев приказал растянуться в одну шеренгу. Началась осада Оренбурга.

Почему на первом этапе крестьянской войны (сентябрь 1773 — март 1774 г.) Пугачев сосредоточил свою Главную армию под Оренбургом? Какое место занимал Оренбург в его планах?

Пугачев — донской казак, но он был «надежей» яицких казаков в такой же мере, в какой они были его опорой. Именно они в первую очередь должны были

«подправить крылья сизому орлу». В представлении же яицкого казачества Оренбург был источником всех зол и бед, обрушившихся на Яик. Отсюда надвигалось «регулярство», исходили указы и судебные постановления, направлялись карательные войска и офицеры, должны были заменить выборных старшин. И прежде чем идти на Москву, а о ней Пугачев заговаривал еще на хуторе Кожевниковых и по дороге на хутор Толкачевых, надо было взять ненавистный Оренбург. Так думало яицкое казачество, так должен был поступить Пугачев, «привязавшийся» на несколько месяцев к Оренбургу. Поэтому шесть месяцев продолжалась осада и Яицкого городка, где в крепости засел гарнизон под командованием полковника Симонова — казаки хотели выдернуть занозу из самого сердца Яицкого войска. Кроме того, оставить в тылу грозный Оренбург с его многочисленным гарнизоном означало отдать область Яицкого казачьего войска на произвол озлобленных властей. Трудно было рассчитывать на то, что яицкие казаки уверенно пойдут на Москву и Петербург добывать престол своему же брату — казаку (соратники Пугачева из числа первых примкнувших к нему казаков знали, кто он на самом деле) тогда, когда в их домах, в их городках будут хозяйничать команды регулярных войск, а их семьи будут подвергаться насилиям и издевательствам со стороны властей. Остававшийся в тылу у повстанческого войска Оренбург грозил восставшим ударом в спину.

Пугачев понимал значение яицкого казачества в восстании. Он отчетливо сознавал, что «улица его тесна», и сделало ее такой его ближайшее окружение — яицкие казаки.

Пугачев попытался овладеть Оренбургом с ходу, штурмом. Это был смелый шаг, аналогичный попытке взять штурмом Яицкий городок. Нужно учесть, что у Пугачева было около 2500 человек при 20 орудиях, а у Рейнсдорна в Оренбурге сколо 3000 человек при 70 орудиях. Интенсивный обстрел города пугачевской артиллерией и штурм, казалось бы, поставили Оренбург на грань падения, однако город устоял. Овладеть Оренбургом штурмом Пугачеву не удалось. Вместе с тем сорвались и попытки гарнизона Оренбурга путем вылазок нанести поражение пугачевцам. После неудачной вы-

лазки, предпринятой 12 октября, Рейнсдорп окончательно перешел к обороне, ожидая помощи извне. Инициативу взяли в свои руки пугачевцы, однако им все же не удалось полностью изолировать Оренбург, и осажденные высылали отряды за продуктами и кормом для лошадей. Осада Оренбурга все более и более сводилась к артиллерийской дуэли.

В тот год суровая зима с сильными морозами началась рано, в середине октября. 18 октября Пугачев приказал разбить лагерь между Бердой и Маячной горой, в пяти верстах от города, разместиться по домам и сараям и вырыть землянки. Он понимал, что осада Оренбурга может затянуться надолго.

22 октября восставшие подвергли город ожесточенному артиллерийскому обстрелу, но вызвать пожар, который должен был послужить сигналом к штурму, не удалось. 2 ноября пугачевцы ринулись на стены Оренбурга, ворвались на вал, но были отброшены метким огнем егерей и штыковой атакой.

5 ноября Пугачев отвел свое войско в Берду, оставив на старом месте калмыцкую и башкирскую конницы. Сам Пугачев поселился в Берде в доме Ситникова. Здесь постоянно находилась его личная охрана — «гвардионцы» из яицких казаков и дежурил Яким Давилин.

То, что происходило под Оренбургом, переставало выглядеть обычной «казацкой историей». «Разгласители» сеяли тревожные слухи о «Петре Федоровиче». Иноземные государи требовали информации от своих послов в Петербурге. Правительство всячески стремилось приостановить распространение слухов, прекратить панику, внушить общественному мнению в стране и за рубежом мысль о том, что «замешательства» являются очередным казацким «бунтом», который легко подавить. Покончить с «оренбургскими замешательствами» Екатерина II поручила генерал-майору В. А. Кару. Идя на Оренбург, Кар, по его словам, боялся только одного — как бы пугачевцы при слухе о продвижении его войск «не обратились бы в бег». Но чем ближе подходил Кар к Оренбургу, тем больше убеждался в том, что «весь здешний край в смятении». Это и обусловило полное отсутствие у Кара информации о пугачевцах, в то время как Пугачев прекрасно знал о продвижении Кара от разных «приезжих мужиков». Высланные по приказу Пугачева

отряды А. Овчинникова и И. Зарубина-Чики в боях 8—9 ноября разбили войска Кара, а 13 ноября у самого Оренбурга был окружен и перешел на сторону Пугачева отряд полковника Чернышева. Боем под Оренбургом руководил сам Пугачев. Кар не только не «изловил» Пугачева, но сам бежал от него. Вместо него командующим войсками, действовавшими против Пугачева, Екатерина II назначила энергичного боевого генерала А. И. Бибикова.

Готовилось большое наступление. Правительство не останавливалось ни перед чем, чтобы подавить восстание, обезглавить его. Из Петербурга под Оренбург власти направили двух «воронов» — яицких казаков Петра Герасимова и Афанасия Перфильева, поручив им подговорить казаков схватить или убить Пугачева. Но, как и Хлопуша, Перфильев перешел на сторону Пугачева.

В ярости Екатерина II приказала схватить и отправить в тюрьму в Казань жену и детей Пугачева, бродивших «меж двор» «по бедности». Дом Пугачева, купленный одним казаком, разобранный и перевезенный, был доставлен на старое место и сожжен вместе с плетнем и садом. Место, где стоял дом Пугачева, окопали ровом «для оставления на вечные времена без поселения».

Однако дело было не в самом Пугачеве, так как, по признанию Бибикова, «не Пугачев важен», важно «всеобщее негодование». А оно все росло, и волна крестьянской войны заливала все новые и новые области. Она охватила Яик и Западную Сибирь, Прикамье и Поволжье, Урал и Заяицкие степи.

Как брошенный в воду камень вызывает круги расходящихся волн, так и действия Главной армии Пугачева, осаждавшей Оренбург, обуславливали распространение восстания на север и на юг, на запад и восток. В первые же дни осады Оренбурга к Пугачеву пришли многочисленные башкирские отряды, в том числе отряд Кинзи Арсланова, ставшего верным соратником Пугачева и возглавившего башкир, входящих в состав пугачевского войска, осаждавшего Оренбург. В начале ноября у деревни Юзеевки на сторону восставших перешел большой отряд под начальством Салавата Юлаева, направленного Пугачевым для набора башкир Сибирской дороги. Вскоре поднялась вся Башкирия. Часть старшин

осталась в лагере правительства, часть колебалась, часть под влиянием народных масс Башкирии примкнула к восстанию. Колебания одних и враждебность других старшин наложили отпечаток на ход восстания в Башкирии. Русские, башкирские и мещеряцкие отряды действовали разрозненно. Все это побудило Пугачева направить в Башкирию яицкого казака Ивана Никифоровича Зарубина-Чика. Зарубин сделал своей ставкой деревню Чесноковку под Уфой. Здесь он развернул энергичную деятельность. Всюду «устраивалась» новая власть, избирались атаманы и есаулы. Они должны были выполнять приказы Пугачева и Зарубина, пополнять ряды войска, ведать казнью, творить суд и т. д. Во всем чувствовалась твердая рука «графа Чернышева», как именовал себя Зарубин-Чика. Отряды Салавата Юлаева, мишарского старшины Канзафара Усаева, Батыркай Иткинова стали действовать по его распоряжениям. Назначив табынского казака Ивана Степановича Кузнецова «главным российского и азиатского войска предводителем», Зарубин направил его в район Красноуфимска, подчинив ему все русские и башкирские отряды. Иван Никифорович Грязнов, «главной армии полковник», получил приказ идти в Исетскую провинцию. Башкирия стала одним из наиболее значительных очагов крестьянской войны.

В первые же дни крестьянской войны поднялись работные люди Южного Урала. Пугачев только подошел к Оренбургу, как начались волнения на Воскресенском заводе, затем к восстанию примкнули Богоявленский, Златоустовский и другие заводы. Посланный Пугачевым на Урал Хлопуша поднял Авзяно-Петровский завод. Заводские крестьяне и работные люди чаще всего восставали по своей инициативе, едва услышав о появлении «Петра Федоровича», обещающего им волю и все «крестьянские выгоды». Заводы поднимались порой задолго до того, как на них появлялись манифесты «Третьего императора».

Работные люди и заводские крестьяне выбирали из своей среды атаманов, есаулов, урядников и прочих «выбранных». На заводах возникали станичные избы, сносившиеся с другими заводами, ведавшие казнью и продовольствием, снабжавшие всем необходимым войска пугачевских полковников, собиравшие и вооружавшие

отряды, направлявшиеся либо в Берду к самому Пугачеву, либо под Уфу в Чесноковку к Зарубину-Чике, либо под Челябинск к Грязнову. Заводские отряды нередко были весьма многочисленными. Часть обслуживавших заводы рабочих, особенно заводские крестьяне и наемные люди, покидали заводы и расходились по домам, выступая в роли зачинателей восстания в своих краях. Переселенные на завод приписные и крепостные крестьяне, а нередко и мастеровые были самыми активными участниками восстания. Заводские крестьяне «всем миром» переходили на сторону пугачевцев. Уничтожались конторские книги и бумаги, конфисковывались деньги и хозяйственное имущество, выбирались «править заводами» новые власти, все заводские крестьяне и работные люди становились пугачевскими «казаками». Восстали работные люди Кыштымского, Каслинского, Златоустовского, Уткинского, Каменского, Саткинского и других заводов.

Восстание охватило и Пермский край. Поднимались работные люди, заводские, дворцовые и экономические крестьяне, пахотные солдаты, казаки, татары, башкиры под Кунгуром, на Тулве, у Красноуфимска. Центром восстания становится Осинская волость. Работные люди выделяли ядра и картечь, ковали копья и сабли. Всюду на заводах набирали в «казаки», в повстанческое войско. Как правило, рабочие не уходили с заводов, считая, что заводы прекратили работу только «до указа», до особого распоряжения «Петра Федоровича». Восставшие не раз подходили к Кунгуру и вступали в переговоры о сдаче города. В январе 1774 г. в село Троицкое под Кунгуром вошел со своим отрядом «главный российского войска предводитель» Иван Степанович Кузнецов, который тоже обращался с увещеваниями к жителям Кунгура, обещая им всякие милости, одновременно стягивая войска повстанцев.

23 января Кузнецов и Салават Юлаев пытались взять Кунгур штурмом, но боеприпасов было мало, а правительственные войска ожесточенно сопротивлялись. Пришлось отойти. Но прошло немного времени, и в феврале пугачевские отряды овладели Кунгуром и Челябинском, блокировали Шадринск. Крестьянская война охватила Западную Сибирь: Верхотурский, Тюменский, Ялуторовский, Туринский и другие уезды. В Казанском

крае и на Каме действовали отряды восставших русских, татарских, удмуртских крестьян, среди которых выделялся отряд татарина Мясогуга Гумерова. Восстание охватило Поволжье, Самарский и Ставропольский края. Отряд беглого крестьянина Ильи Арапова занял Бузулук и Самару, а православные калмыки, предводительствуемые Федором Дербетевым, овладели Ставрополем.

Крестьянская война охватила обширный край от Гурьева на берегу Каспийского моря до Екатеринбурга и Ирбита, от Шадринска до Самары и Ставрополя.

«Чернь бедная» разных языков и вероисповедания с оружием в руках добывала себе землю и волю. А сам «Третий император», чьи манифесты и указы поднимали трудовой люд на великую войну, успешно отбивал вылазки войск Оренбургского гарнизона, сколачивал свою Главную, или Большую, армию, создавал Государственную военную коллегия.

Главная армия Пугачева имела довольно стройную структуру. Она делилась на полки во главе с полковниками, но полки эти были построены по принципу не регулярных, а казачьих войск. Командиров — сотников, есаулов, хорунжих — выбирали на казачьем сходе (круге) или назначали «с общего согласия». Во всем войске вводились казачьи порядки, и все считались казаками.

6 ноября 1773 г. в Берде была учреждена Государственная военная коллегия. Во главе ее стоял яицкий казак Андрей Витошнов, «судья» — казаки Максим Шигаев и Иван Творогов, «секретарь» Максим Горшков, «думный дьяк» Иван Почиталин. Казалось бы, Государственная военная коллегия восставших так же копировала Петербургскую государственную военную коллегия, как Пугачев копировал подлинного императора. Однако на самом деле это было не так. Функции пугачевской Государственной военной коллегии были необъятны. Она ведала судом и расправой, поддерживала связь с отдельными отрядами восставших, стремилась направлять их боевую деятельность, вводила казачье самоуправление, устанавливала связь с заводами, ведала комплектованием Главной армии и отдельных отрядов, обеспечивала их оружием, боеприпасами, продовольствием и фуражом, награждала отличившихся, ведала казной и трофеями, присваивала воинские звания и назначала на командные должности, налаживала письменное дело-

производство и распространение именных манифестов и указов, пыталась претворить в жизнь лозунги и призывы восставших. Пугачев учредил и возглавленную Андреем Овчинниковым Походную канцелярию, непосредственно руководившую боевыми действиями Главной армии. Чтобы придать всем действиям законный, государственный характер, указы и манифесты скреплялись подписями и специальными печатями, изготовленными из серебра и меди.

Государственная военная коллегия, Походная канцелярия, Главное войско вносили в крестьянскую войну, возглавленную Пугачевым, известные элементы организованности. Так выглядела пугачевская Берда.

Осада Оренбурга затянулась. Пугачев не раз предпринимал всевозможные попытки овладеть городом: ворваться темной ночью, забросать ядрами и гранатами, натравить горожан на власти и т. д., но все было безуспешно. В городе начался голод. Пугачев искренне переживал несчастье горожан и говорил: «Жаль мне очень бедного простого народа, он голод великий терпит и напрасно пропадает...», — и в письме к Рейнсдорпу, «сатанину внуку, дьявольскому сыну, мошеннику, бестии» требовал сдать город и положить конец мучениям его жителей. Однако Рейнсдорп и не думал прекратить сопротивление. Он знал, что правительство готовит новый удар по Пугачеву. В районы крестьянской войны направлялись многочисленные войска, местное дворянство организовывало ополчения, помогало властям и купечество. Подчеркнув, что горести поволжского дворянства — это и ее горе, Екатерина II приняла на себя звание «почетной казанской помещицы». За поимку Пугачева обещала награду 10 000 руб.

В это время внимание Пугачева было отвлечено Яицким городком. 30 декабря отряд Михаила Толкачева занял городок, и только крепость продолжала обороняться. 7 января 1774 г. в Яицкий городок прибыл Пугачев.

И тут произошло событие, которое вызвало различные толки в рядах повстанцев. Яицкие казаки, желая крепче привязать к себе Пугачева, надумали женить его. «Ты как женишься, — говорили казаки, — так войско яицкое все к тебе прилежно будет». Пугачев торопился.

Выбор его пал на молодую казачку Устинью Петровну Кузнецову. В доме Толкачева сыграли свадьбу и поздравили молодых — «императора» и «благочестивую императрицу», весьма сомневавшуюся в царственном происхождении своего супруга. Женитьба Пугачева вызвала большое брожение умов. Во-первых, многие сомневались: «Как-де этому стать, чтобы царь мог жениться на казачке». Кроме того, «народ тут весь как бы руки опустил и роптал: для чего он, не окончив своего дела, т. е. не получая престола, женился».

Между тем взять укрепленную цитадель Яицкого городка не удалось, и 19 февраля Пугачев уехал из Яицкого городка — тревожные вести о наступлении правительственных войск заставили его поспешить к своей Главной армии.

22 марта в бою с войсками генерала Голицына под Татищевой крепостью Пугачев был разбит. Потери восставших были очень велики. В плен попали видные соратники Пугачева: Хлопуша, Подуров, Мясников, Починкин, Толкачевы и другие. Под Уфой потерпел поражение и попал в плен Иван Зарубин-Чика.

Приехав в Берду с несколькими казаками, Пугачев сразу же покинул ее, а через несколько дней войска Голицына вступили в Оренбург. Бой под Сакмарским городком 1 апреля закончился новым поражением Пугачева. С отрядом в 500 человек казаков, работных людей, башкир и татар Пугачев ушел на Урал.

Второй этап крестьянской войны. Штурм Казани

Начался второй этап крестьянской войны. Пугачев не унывал: «Народу у меня как песку, — говорил он — и я знаю, что чернь меня с радостью примет».

Он был прав. Народ («чернь») его поддержал. Активно действовали отряды Салавата Юлаева, Ивана Белобородова, Кинзи Арсланова. 6 мая, не имея ни одной пушки, Пугачев овладел крепостью Магнитной. Пугачев сражался в первых рядах и был ранен картечью в руку. Через день к нему присоединились отряды Перфильева и Овчинникова, разбитые генералом Мансуровым под Яицким городком, а затем и отряд Белобородова. Воз-

родилась Государственная военная коллегия. Победным маршем шел Пугачев по Оренбургской укрепленной линии, присоединяя к себе казаков и «заводских мужиков», башкир и солдат, забирая с собой пушки, порох, деньги, провиант и оставляя за собой сожженные крепости, разрушенные заводы, мосты, запруды — по пятам за ним шли правительственные войска. Особенно активно преследовал Пугачева отряд И. Михельсона.

Восстание нарастало. 18 июня Пугачев подошел к Осе. В его лагерь явился старик гвардеец, знавший в лицо Петра III и желавший убедиться в подлинности «императора». Пугачев решился на опасный шаг. Одетый в простое казачье платье, он стал в строй. Пугачев пристально смотрел на шагавшего вдоль строя старика: «Што, старик? Узнал ли ты меня?» Старик смутился. Пугачев продолжал: «Смотри, дедушка, хорошенько, узнавай, коли помнишь!» Гвардеец долго вглядывался в черты лица Пугачева и, наконец, произнес: «Мне-де кажется, что вы походите на государя». «Ну, так смотри же, дедушка, поди, скажи своим-то, чтоб не противились мне...» Старик так и поступил, и 21 июня Оса сдалась без боя «императору». Дорога на Казань была открыта. Отсюда, из Казани, Пугачев собирался «пройти в Москву и там воцариться и овладеть всем Российским государством».

Пройдя Рождественский завод, Пугачев двинулся далее. Из-под Осы на Казань вместе с Пугачевым шло более 5 тысяч крестьян, мастеровых и работных людей Пермского края.

Вместе с Пугачевым шел на Казань прославившийся своими действиями в Пермском крае один из выдающихся предводителей крестьянской войны Иван Белобородов. Пугачев сумел сохранить и провести сквозь суровые испытания закаленное ядро своего войска. Пополнилось оно не только башкирами, но и мастеровыми, работными людьми. Многие из них «сначала были к возмущению первые», «в зимнее время в народе составляли смятение», не раз поднимали оружие против заводчиков и приказчиков, были «в бегах» во время карательных экспедиций, бежали в мае к самому Пугачеву, в первых рядах с башкирами «обирали дома» господские, приказчицы, бились за Осу и вошли в нее с

победой, а затем уже двинулись с Пугачевым под Казань.

Переправившись вместе с Главной повстанческой армией через Каму, Пугачев взял направление на Казань, но, пройдя несколько верст, свернул с дороги и пошел в сторону Воткинского и Ижевского заводов, так как он понимал, что, поскольку заводы находятся в руках правительства, их нельзя оставлять у себя в тылу.

Узнав о приближении повстанческой армии, купцы и заводские чиновники спешно покинули заводы. Заводские власти создавали отряды для борьбы с восставшими. Но Пугачев опередил их. 24 июня его армия показала на дороге к Воткинскому заводу. Встречали Пугачева все бывшие в этот день на заводе крестьяне и мастеровые. Завод подожгли и в огне сгорели здания, конторы, церкви. Вскоре вся армия восставших во главе с Пугачевым появилась у Ижевского завода. Крестьяне и работные люди встретили «государя» колокольным звоном, крестом и иконами, стоя на коленях.

Взятие Воткинского и Ижевского заводов обеспечивало Пугачеву беспрепятственное движение к Казани и значительно укрепило армию восставших.

Успешный исход похода Главной армии восставших на Казань во многом был предопределен повстанческим движением в Казанском крае, которое началось задолго до прихода в этот район Пугачева. Правда, восстание крестьян Казанского края, разгоревшееся зимой 1773/74 г., в марте—апреле было жестоко подавлено карателями, но вскоре вновь вспыхнуло, особенно в связи с первыми известиями об успехах Пугачева в Башкирии и на уральских заводах и в еще большей степени при вступлении самого Пугачева на территорию Казанского края. В армии восставших оказалось много приписных к уральским заводам крестьян — выходцев из Казанского края. От них-то сюда и проникали слухи о новых успехах Пугачева. Крестьяне тайно собирались на сходки и обсуждали эти известия. Наибольшую активность проявляли работные люди, приписанные к заводам, помещичьи крестьяне и крестьянство нерусских национальностей, которое испытывало классовый, национальный и религиозный гнет. В Казанском крае действовали отряды удмурта Чупаша, мещеряка Бахтияра Канкаева, татарина Мясогута Гумерова и другие.

Переправа Пугачева через Каму привела к повсеместному массовому восстанию в Казанском крае. Впереди себя Пугачев отправил полковников с манифестами и указами для привлечения в армию восставших как можно больше людей.

Энергично действовали пугачевские полковники Дорофей Загуменный, Григорий Филинков, атаманы Андрей Носков, Федор Калабин (Шмота) и Карп Степанов, по прозвищу Карась, активный участник и руководитель восстания приписных крестьян Авзяно-Петровского завода еще в 1761—1762 гг.

Крестьянское восстание в Казанском крае принимало все более грозный характер. Крестьяне стремились разделаться с помещиками, старостами и приказчиками, избавиться от крепостной зависимости, обрести свободу и получить землю. И эти свои чаяния они связывали с именем Пугачева.

Чем ближе Пугачев подходил к Казани, тем быстрее росла его повстанческая армия. Отовсюду спешили к нему или его посланцам-полковникам приписные к заводам, помещичьи и государственные крестьяне, русские и нерусские. Они уже знали: Пугачев идет на Казань — центр эксплуатации и порабощения народов Заволжья и Прикамья, оплот заводчиков и помещиков. Пугачев взял Трехсвятское (Елабугу), Мамадыш и 11 июня 1774 г. остановился лагерем у Троицкой мельницы, в 7 верстах от Казани. Войско восставших насчитывало до 20 000 человек — никогда еще оно не собиралось в одном месте в таком количестве, но вооружены повстанцы были очень плохо: у большинства в руках были только самодельные копья, дубины, заостренные шесты.

Казань была большим, многолюдным городом, важным административным, политическим центром. Гарнизон Казани насчитывал более 2000 хорошо вооруженных солдат и офицеров с многочисленной артиллерией. Взять Казань было трудно. 11 июля Пугачев и Белобородов с 50 казаками произвели разведку укреплений Казани. Под вечер на совещании полковников было принято решение начать одновременно штурм Казани с разных сторон. Главные силы пугачевцев двинулись на приступ от Арского поля, отряд под командованием пугачевского полковника Минеева наступал на правом фланге, на ле-

вом фланге боевыми действиями восставших руководил Белобородов.

Восставшие с разных сторон хлынули в город, опрокидывая, преследуя, забирая в плен тех, кто не успел укрыться в крепости. Несмотря на то, что повстанцы были плохо вооружены, они сумели очень быстро овладеть Казанью. Это была их самая значительная победа за весь период Крестьянской войны 1773—1775 гг., и одержана она была потому, что пугачевцы использовали наступательную тактику, проявили много находчивости и военной смекалки.

Важным фактором, повлиявшим на исход штурма Казани, явилась поддержка, оказанная повстанцам городскими низами.

Как только Пугачев овладел первым укреплением Казани, дворовые, ремесленники, мастеровые, с нетерпением ожидавшие его прихода, отслужили в церкви Покрова молебен о победе «государя». Когда же восставшие полностью овладели городом, казанцы вместе с армией Пугачева начали расправляться с представителями администрации и знатью.

Во время боевых действий в Казани на одной из улиц города среди выпущенных из тюрьмы колодников Пугачев встретил свою семью: жену Софью и детей — Трофима, Аграфену и Христину. Трофим крикнул: «Матушка! Смотри, батюшка ездит!» Пугачев приказал посадить их в телегу, сказав, что эта семья казака Пугачева, замученного в тюрьме.

Предстояло еще взять Казанский кремль, где укрылись войска, чиновники, помещики, духовенство, купцы. Пугачев и Минеев били из пушек по крепости перекрестным огнем. Положение осажденных было безнадежным. Казалось, вот-вот пугачевцы возьмут и этот последний опорный пункт правительства в Казанском крае, но в разгар боя за овладение крепостью Пугачев получил сообщение о приближении к городу отряда правительственных войск под командованием подполковника Михельсона, 12 июля подошедшего к Казани.

Штурм крепости был отложен. По приказу Пугачева восставшие вышли из города через Арское поле, остановились в 7 верстах от Казани, у села Царицына, где и встретили правительственные войска. Разыгралось кровопролитное сражение. Упорство и отвага восставших

вначале поколебали ряды карателей, но в конечном итоге хорошо вооруженные царские войска, имеющие большой военный опыт, взяли верх. Бои под Казанью продолжались 13 и 15 июля. Но силы были неравны. Правительственные войска были хорошо вооружены и имели опытных военачальников. В армии Пугачева только часть заводских крестьян, казаков и башкир имели ружья, а большинство были вооружены пиками, саблями и дубинами. Кроме того, у восставших не было воинской дисциплины, так как их армия росла так быстро, что Пугачев не имел времени заняться обучением крестьян, тем более, что его преследовали отряды правительственных войск.

Потери восставших были очень велики. Пугачевцы потеряли убитыми и пленными свыше 7000 человек. В плен попали Иван Белобородов и Федор Минеев.

После поражения под Казанью Пугачев двинулся по Волге.

Последний этап крестьянской войны

Начался третий, последний этап крестьянской войны.

«Пугачев бежал, но бегство его казалось нашествием» (А. С. Пушкин). 18 июля остатки Главной армии переправились через Волгу. Теперь в войске «Третьего императора» оставалось мало горнозаводских и прочих «работных людей» и «заводских мужиков», еще меньше башкир и калмыков. Только яицкие, илецкие и прочие казаки составляли по-прежнему ядро Главной армии и занимали в ней командные должности. Идя через крестьянский край на правобережной Волге, войско Пугачева пополнялось за счет крестьян: русских, татар, чувашей, мордвы, кое-как вооруженных и совсем не знавших военного дела. На смену полкам Главной армии первого периода крестьянской войны приходили крестьянские отряды бесчисленных «пугачей». Кроме того, преследуемый по пятам регулярными войсками, Пугачев шел так стремительно, что вскоре он вынужден был отказать в приеме в войска всем пешим, а об организации войска нечего было и думать.

После поражения под Казанью казаки говорили Пугачеву, что «время вам идти в Москву принять престол!».

Пугачев отвечал: «Нет, детушки, нельзя! Потерпите! А когда будет, так и я сам без вашего зову пойду. Но я-де теперь намерен идти на Дон, — меня там некоторые знают и примут с радостью». И Пугачев двинулся на юг, на Дон, к казакам, оставляя за собой горящие дворянские усадьбы, мятежные села и деревни.

19 июля Пугачев обратился к народу с манифестом, в котором жаловал всех крестьян вольностью и свободой и «вечно казаками», землями и угодьями, освобождал от рекрутской повинности и каких-либо налогов и податей, призывал расправляться с дворянами и обещал «тишину и спокойную жизнь». В этом манифесте наиболее ярко отразился крестьянский идеал — земля и воля.

Все Поволжье полыхало пожарами крестьянской войны. Всюду действовали отряды восставших крестьян: русских, чувашей, татар, мордвы. Они создавались и развивали свои боевые действия вне связи с Главным войском Пугачева, по инициативе самих крестьян и поводом к их выступлению часто являлась лишь весть о том, что идет «государь Петр Федорович», несущий крестьянам волю.

В ряде мест восстание поднимали полковники и атаманы Пугачева. Среди предводителей многочисленных отрядов «пугачей» отличались своими энергичными действиями беглый солдат Илья Аристов, донской казак Александр Суходольский, украинские казаки Гузенко и Каменский, русские Петр Евсеев (Евстигнеев), Фирс Иванов, Марк Петров, Иван Иванов, Федор Чумаков, Иван Родионов и другие. 20 июля колокольным звоном встретил Пугачева Курмыш, через три дня Алатырь, 27 июля Саранск, 1 августа Пенза, 5 августа Петровск. Пугачеву оказывали всяческие почести, а он раздавал соль и деньги, освобождал заключенных, конфисковывал имущество дворян и, сидя в кресле, под охраной казаков с топорами и булавами творил суд и расправу над помещиками и чиновниками. Уходя, Пугачев забирал с собой «охочих» и «набранных», пушки, порох, ядра.

Перешел на сторону Пугачева отряд его земляков — донских казаков, а под Сараговым — часть поселенных здесь колонистов — главным образом немцев («саксонов»), швейцарцев, шведов.

Из Петровска Главное войско Пугачева двинулось на

Саратов — крупный торговый город Поволжья с населением не менее 7000 человек. Комендант города полковник Бошняк имел 15 пушек и около 800 человек солдат и офицеров. Это была серьезная сила, но в самом Саратове население ожидало Пугачева. Украинские казаки из Покровской слободы, расположенной на правом берегу Волги у Саратова, саратовские казаки, работные люди уходили к Пугачеву. Поднимали восстание окрестные крестьяне. Крестьянская война докатилась до стен Саратова. По приказу Бошняка лихорадочно возводились укрепления, устанавливались артиллерийские орудия.

6 августа трехтысячное войско Пугачева с 20 пушками подошло к городу. Желая избежать кровопролития, Пугачев отправил Бошняку указ с предложением не оказывать сопротивления, но Бошняк разорвал указ. Та же участь постигла и второй указ Пугачева. Между тем пугачевцы установили пушки на Соколовой горе. Здесь же находился и сам Пугачев. Он ждал ответа на свое второе письмо. С горы он видел, что гарнизонные войска готовились к бою, а жители хотя и были все на валу, но не двигались с места. Поскольку ответа на манифест не было, Пугачев приказал стрелять. На валу началось движение: народ повалил в город, а конные купцы — к Пугачеву. Саратовские войска не двигались. С их стороны раздалось лишь несколько ответных выстрелов. Пугачев приказал А. Овчинникову перейти Глебучев овраг, чтобы поставить пушки как можно ближе к противнику. Затем ударили пушки из пугачевского обоза. После канонады пугачевские казаки пошли в атаку. Бошняк подпустил их на пушечный выстрел и затем приказал поручику Буданову стрелять из мортиры. Но Буданов, умышленно сделав выстрел малым зарядом, заклепал мортиру и ушел к Пугачеву. Однако и этот выстрел заставил пугачевских казаков изменить свое направление и выйти на Симбирскую дорогу. В этот момент пошла в атаку пугачевская пехота. Атака решила все дело: саратовские солдаты и фузелеры во главе с офицерами перебежали на сторону повстанцев. Пугачевцы ворвались в город через ворота, открытые им солдатами, и рассыпались по улицам. Остатки войска во главе с Бошняком ушли по Волге в Царицын.

К 7 часам вечера 6 августа войско восставших овла-

дело всем городом, однако Пугачев не остался в нем, а вывел свое войско в открытое поле за Соколовой горой. В Саратове Пугачев «творил суд» над дворянами, раздавал населению соль, муку, овес. И вновь к Пугачеву потянулись крестьяне, казаки, работные люди окрестных мест. Главное войско восставших выросло на несколько тысяч человек. 580 человек привел атаман Тимофеев, 900 украинских казаков — Гузенко. Десятки повстанческих крестьянских отрядов долгое время действовали в Саратовском крае даже после того, как Пугачев ушел из Саратова. В состав Главной армии Пугачева вошло до 1500 крестьян Малыковской волости, сравнительно хорошо вооруженных и имевших лошадей. Посадив до тысячи повстанцев на суда, снабженные пушками, Пугачев с остальным войском по берегу Волги двинулся на юг.

11 августа Главная армия вступила в Дмитровск (Камышин), где к ней присоединились поселенные здесь украинцы и волжские казаки. Пугачев поднял против властей часть волжских калмыков. Через день на реке Пролейке пугачевцы разбили правительственные войска. Это была последняя победа восставших.

21 августа Главная армия подошла к Царицыну. Пугачев вел переговоры с донцами, стремясь убедить их перейти на его сторону. Казаки колебались, а тут еще один из них крикнул: «Здорово, Емельян Иванович!» «И сын его здесь!» — сразу же нашелся Пугачев. Овладесть Царицыным не удалось, а 24 августа у Сальниковой ватаги, близ Черного Яра, Главная армия Пугачева потерпела жестокое и последнее поражение.

Емельян Пугачев — вождь крестьянской войны

К чему же стремился восставший трудовой люд? О чем мечтало мятежное крестьянство? К чему призывал его Емельян Иванович Пугачев?

Зная нужды и горести всей «черни бедной», к каждой из ее групп Пугачев обращался с особыми лозунгами и указами. Казаков он жаловал не только рекой Яиком со всеми ее угодьями и богатствами, но тем, в чем нуждались казаки: хлебом, порохом, свинцом, деньгами, «старой верой» и казацкими вольностями. Он обещал,

что «яницких казаков будет производить в первое достоинство» и они станут в России «первыми людьми».

Он обещал калмыкам, башкирам и казахам («киргизцам») все их земли и уголья, государево жалованье, вечную волюность.

Обращаясь к крестьянам, Пугачев жаловал их землями и угольями, волей, освобождал от власти помещиков, которых он призывал истреблять от каких-бы то ни было обязанностей по отношению к государству, обещал им вольную казацкую жизнь.

К различного рода категориям рабочего люда он не обращался с особыми манифестами — их устраивали «прямые крестьянские выгоды», т. е. те же самые лозунги о земле и воле, с которыми Пугачев адресовался к крестьянству вообще. И это вполне понятно, так как в те времена «рабочие люди» по своему положению мало чем отличались от массы бесправного, «низшего», «черного» сословия, каким было крепостное крестьянство. И в то же время работа на заводе плечом к плечу, совместная борьба за свои права, за улучшение условий труда и жизни, организующая роль работ обусловили особую стойкость и организованность заводских рабочих, о которых власти говорили, что «они были всех прочих крестьян к самозванцу усерднее».

Лозунги крестьянской войны свидетельствуют о том, что «стихийный элемент» представляет из себя, в сущности, не что иное, как *зачаточную форму* сознательности. И примитивные бунты выражали уже собой некоторое пробуждение сознательности...»¹.

До полной политической сознательности, свойственной пролетариату, было еще очень далеко. Это выражалось и в присущем крестьянству наивном монархизме, когда «крестьяне требовали отмены крепостного права, ничего не имея против царской власти и веря в царя»². Да и само будущее представлялось Пугачеву и его соратникам весьма туманно, в виде казацкого государства, где все были бы казаками, где не стало бы ни налогов, ни рекрутчины. Где найти деньги, необходимые госу-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 6, стр. 29—30.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 5, стр. 80.

дарству? Пугачев считал, что «казна сама собой довольствоваться может», а как это произойдет — неизвестно. Место рекрутов займут «вольно желающие», установится вольная торговля солью — «вези кто куда хочет». Манифесты, указы и обращения Пугачева пронизывают неясные мечты о воле, труде, равенстве, справедливости. Все должны получить равные «пожалования», все должны быть вольными, все равны, «малые и большие», «рядовые и чиновные», «вся чернь бедная», «как росияне, так и иноверные»: «мухаметанцы и калмыки», «киргизцы» и башкиры, татары и мещеряки, черемисы и «поселенные на Волге саксоны», у всех должна быть «спокойная в свете жизнь» без какого бы то ни было «отягощения», у всех «общий покой».

Все это, зная затаенные мечты «черни бедной», обещал ей «набеглый царь» — казак Зимовейской станицы Емельян Иванович Пугачев.

Пугачев был отважен, решителен, храбр. Это отмечали и друзья, и враги. Даже Екатерина II вынуждена была признать, что он — «человек чрезвычайно смелый и решительный». Соратники Пугачева склоняли голову перед его отвагой, все поражались его «смелости и проворству». Пугачев всегда был «сам на переди, не мало не опасался стрельбы ни из пушек, ни из ружей». Когда ему советовали быть осторожней и поберечь свою жизнь, он, усмехаясь, говорил: «Пушка царя не убьет! Где это видно, чтоб пушка царя убила». Но храбрость эта не была безрассудна — в бою он «всегда надевал на себя платье худое, для того, чтобы его не признали».

Пугачев был превосходным артиллеристом. По свидетельству пугачевцев, он лучше всех знал, и «как в порядке артиллерию содержать», и как «правильно палить из пушек». Он очень часто сам наводил орудия на цель и «указывал всегда сам канонерам».

Прекрасно понимая роль артиллерии в бою, Пугачев забирал пушки, ядра, картечь и порох в крепостях, городах и на заводах Урала и не без успеха организовал производство орудий и боеприпасов на уральских заводах.

Среди орудий «злодейского литья», как называли орудия, отлитые по указу Пугачева, были «единороги» — длинные гаубицы с конической камерой, и «секретные гаубицы» с овальным сечением ствола, предназначавшие-

ся для стрельбы картечью. Эти орудия копировали лучшие системы артиллерии регулярной армии.

В суровую снежную зиму 1773/74 г. Пугачев распорядился поставить орудия на сани или лафеты с полозьями, что сделало его артиллерию очень подвижной, и она проходила там, где тяжелые пушки регулярной армии увязали в снегу. Когда наступила весна, он позаботился об изготовлении летних лафетов на колесах.

Пугачевцы владели искусством навесной стрельбы. При обороне артиллеристы повстанческого войска использовали мешки с песком, устраивали снежные валы, укрепляли подступы рогатками, укрывали орудия в лощинах, использовали маскировку. На поле боя быстро и умело маневрировали, меняли огневые позиции и стреляли «не так, как бы от мужиков ожидать должно было». Пугачев показал себя хорошим минером. По его указанию производились подкопы и закладывались мины при осаде Яицкого городка.

Лихой казак Пугачев великолепно владел ружьем, саблей, пикой. На постоянно устраиваемых в Берде учениях и соревнованиях в стрельбе и скачках он на всем скаку на предельном расстоянии пробивал пулей из ружья набитую сеном кольчугу или попадал в шапку, поднятую на пике.

Не случайно, отправляя в подарок Денису Давыдову свою «Историю Пугачевского бунта», Пушкин писал знаменитому поэту-партизану, герою Отечественной войны 1812 г.:

Вот мой Пугач — при первом взгляде,
Он виден: плут, казак прямой!
В передовом твоём отряде
Урядник был бы он лихой.

Но Пугачев не просто лихой казак-рубака, герой Семилетней и Русско-турецкой войн, получивший за храбрость первый казачий офицерский чин хорунжего. Он — предводитель крестьянской войны. В организации Государственной военной коллегии восставших, на которую были возложены все функции правительства и главного штаба поднявшегося на борьбу народа, в создании Главной армии с ее довольно сложной и стройной структурой, со знаменами и наградными знаками, с жалованьем и различными формами набора в войско, в создании власти на местах и, наконец, в пропаганде самих идей

восстания, изложенных в многочисленных манифестах и именных указах самого «Третьего императора», в указах, письмах и обращениях его полковников и атаманов, поднявших к восстанию народные массы от Гурьева до Екатеринбурга, — во всем этом немалая заслуга принадлежит самому Пугачеву.

В своей ставке в Берде Пугачев завел порядки, напоминающие регулярную армию, все время заставляя войска «делать учения, особенно артиллерийские». Подъем и отбой производились в одно и то же время выстрелом из «вестовой» пушки. Тревогу объявляли звоном набатного колокола. Из Берды направлялись многочисленные казачьи разъезды, имевшие свои «заставы» и «станции». Лагерь пугачевцев в Берде был окружен караулами, пикетами и дозорами. Правда, не было ни пароля, ни лозунга, и, если окликнутые произносили магическое слово «казаки», их пропускали беспрепятственно. Пугачев, его Государственная военная коллегия и полковники стремились укрепить дисциплину, пресечь дезертирство, наладить раздачу жалованья, набор «охочих людей» в войско. При Пугачеве находился «дежурный» — яицкий казак Яким Давилин. Караул состоял только из яицких казаков. «Непременный караул», т. е. личную охрану Пугачева, составляли 25 яицких казаков, именовавшихся гвардией. Позже «гвардионцев» насчитывалось около 50 человек. Пугачев обещал дать гвардии особую форму — пошить кафтаны из зеленого сукна.

Пугачев был военным человеком до мозга костей — сказывались его казачье происхождение и яркая, хотя и короткая боевая жизнь.

Предводитель крестьянской войны, подлинный вождь мятежного крестьянства, он был и оставался казаком. Он бился не на жизнь, а на смерть за народ, за «всю чернь бедную», но в бою ценил не столько плохо вооруженное и не умеющее сражаться крестьянство, сколько казачество. Вот почему на следствии Пугачев говорил, что он имел людей «сколько для меня потребно, только люд нерегулярный». Когда он потерпел поражение под Татишевой крепостью, то оставил при себе казаков, а «оставшейся же толпе... большей частью из мужиков» сказал, «чтоб они убирались кто куда хочет». В этом сказало отношение казаков к крестьянству. Казаки были плотью от плоти крестьянства, но они прошли суровую

школу полной опасностей жизни и создали свою военную организацию. Это и дало им основание смотреть свысока на вооруженного топором, копьем, дубиной крестьянина. В устном творчестве яицких казаков это нашло отражение в рассказе о том, что под конец восстания у Пугачева была большая рать «да все из крестьян — что толку-то? С такой ратью ничего не поделаешь, хотя бы и совсем ее не было», ибо «российский народ не воин».

Пугачев на следствии подчеркнул, что к тому времени «надежных в его полке», т. е. яицких казаков, оставалось мало, а остальные «оробеют и разбегутся». Пугачев ошибся — выдали его именно яицкие казаки, а не «мужики», — последних в его войске уже не было.

Пугачев обладал живым и веселым характером. Любил шутку, крепкое словцо, песню. Предание говорит, что Устинья Кузнецова тем и остановила на себе выбор Пугачева, что сложила о нем песню, которую и исполнила на смотринах. «Песня была такая жалостная, все насчет него, как он страдал за правду и как бог незримо за добро его навел на добрых людей, которые рады жизни свои за него положить». Народное предание говорит о том, что Пугачев будто бы очень любил песню:

Не шуми мати, зеленая дубравушка,
Не мешай, ты, думу думать добру молодцу,
Как заутро добру молодцу во допрос идти
Перед грозного судью, самого царя...

Среди пугачевцев была популярна песня-поговорка:

Ходи браво, гляди прямо,
Говори, что вольны мы...

«Яицкие казаки певали песню», составленную ими в честь Пугачева, величая его «государем». Любил Пугачев и музыку и часто слушал игру на скрипке.

Пугачев умел говорить хорошо, живо и убедительно, пересыпая речь поговорками. Говорил он на наречии донских казаков: «робята», «здесья», «сюды», «откель ты?», «погоди трохи» и т. д. Пугачев легко и быстро возбуждался, был вспыльчив и отходчив, обладал живым умом, склонным к фантазиям, которым он сам начинал верить.

Человек, которому дворянство приписывало все смертные грехи, именуя его «тигром», «извергом», «ехид-

ной», «бунтовщиком», «разбойником», «кровопийцей» и т. п., на самом деле был не только не жесток, но, наоборот, добр и отзывчив и своим заступничеством спас жизнь многим людям из враждебного лагеря. Он избегал ненужного кровопролития, рассылая повсюду свои манифесты и указы, «уещевая» губернаторов и комендантов крепостей, генералов и офицеров, чиновные власти и духовенство «добровольно приклониться» ему. Если так и происходило, он не только не трогал ни офицеров, ни чиновников, но «жаловал» их и зачислял себе «в службу». Герой «Капитанской дочки» А. С. Пушкина Гринев явился литературным двойником многих дворян-офицеров. Только под конец крестьянской войны, видя террор и жестокость царских властей, он ожесточился сам.

Власти подсылали к нему людей, которые должны были захватить или убить его. Пугачев не только простил Хлопушу и Перфильева, чистосердечно все рассказавших, но и сделал их полковниками в своем войске.

Пугачев обладал завидной физической силой, здоровьем и выносливостью. Он мог по двое суток не сходить с седла, стойко переносить холод и жару, голод и жажду. Ходил он легко и быстро. Любил лошадей и хорошую конскую сбрую. Одевая на себя дорогое платье, делал это отнюдь не из щегольства, но прежде всего потому, что «императору» не пригоже было ходить в простом, обычном казачьем одеянии.

До нас дошло много портретов Пугачева, написанных с натуры современниками, и много описаний его наружности. Паспорт, выданный Емельяну Пугачеву в августе 1772 г. на Добрянском форпосте, так характеризует внешний облик Пугачева: «Росту два аршина четыре вершка с половиной... волосы на голове темно-русые и борода черная с сединой, от золотухи на левом виску шрам...» Первая жена Пугачева Софья Дмитриевна Недюжева о наружности своего мужа на следствии говорила следующее: «Росту среднего, долголиц и сухощав, волосы на голове русые, а борода черная, с проседью, клином, глаза карие...» По показанию одного из соратников Пугачева Максима Шигаева, Пугачев был «среднего роста, лицом продолговат, смугл, глаза карие, волосы темно-русые, пострижены по-казацки. Борода черная, с сединою, плечист, но в животе тонок». Стройную

фигуру Пугачева подметил и корнет Пустовалов: «В плечах хотя и широк, но в пояснице очень тонок, лицо имеет смуглое, но чистое, глаза острые...» По рассказам пугачевца Верховланцева, Пугачев был «среднего роста, корпусной, в плечах широк, смугловат, борода окладистая, глаза черные, большие». Уральская казачка, выдавшая Пугачева, рассказывала: «Как теперь на него гляжу: мужик был плотный, здоровенный, плечистый, борода русая, окладистая, ростом не больно высок и не мал». Некоторые люди, знавшие Пугачева, к этому согласному описанию его наружности добавляют, что у него «лицо... смуглое и сухощавое, нос горбом... левый глаз щурит и часто им мигает».

А. С. Пушкин, ездивший на Урал собирать пугачевский фольклор, много общавшийся с казаками и казачками, знавшими и видевшими Пугачева, в «Капитанской дочке» со слов очевидцев грозных событий крестьянской войны дал такое описание Пугачева: «Он был лет сорока, росту среднего, худощав и широкоплеч. В черной бороде его показывалась проседь; живые большие глаза так и бегали. Лицо его имело выражение довольно приятное, но плутовское. Волосы были острижены в кружок...» Когда П. И. Чайковский хотел написать музыку к задуманной им опере «Капитанская дочка», он опасался вмешательства цензуры, ибо писать по Пушкину, давшему объективную и благожелательную характеристику Пугачеву, это означало вывести Пугачева «удивительно симпатичным...»

В 17 верстах от Черного Яра с двумя сотнями яицких казаков, с первой женой и сыном (дочери попали в плен) Пугачев вплавь переправился на степной левый берег Волги. Он не пал духом и предлагал казакам уйти к терским или запорожским казакам, к калмыкам, в Сибирь или за море «подымать орды» и продолжать борьбу. Казаки наотрез отказывались, заявляя, что в чужие земли не пойдут и звали на Яик, где оставались их семьи и дома. Среди казаков зрел заговор. Душой заговора являлись Творогов, Чумаков, Железнов, Федульев, Бурнов. Они совсем не думали о простом народе

и «чернь содержали в презрении». Их мечты стать «первым сословием в государстве» развеялись, как дым. Надо было думать о собственном спасении, а сделать это было можно путем выдачи Пугачева.

На двенадцатый день тяжелого пути достигли Узеней. Далеко не все казаки находились «в сговоре», и заговорщики пытались изолировать Пугачева от верных ему людей. Когда Пугачев поехал к старикам-бахчевникам за дынями, с ним направились и все главари заговорщиков. Чумаков заговорил первым: «Что, ваше величество? Куда ты думаешь теперь идти?» «А я думаю, — отвечал Пугачев, — идти по форпостам и, забрав своих людей, двигаться к Гурьеву городку. Тут мы перезимуем и, как лед скроется, то севши на суда, поедem на Каспийское море и тамо подыдем орды, они верно за нас вступятся». «Иван, что задумал, то затевай!» — крикнул Федульев Бурнову. Бурнов схватил Пугачева за руки. «Что это вы вздумали? На кого руки подымаете?!» — закричал Пугачев. На него набросились, отобрали оружие. Пугачев вырвался, вскочил на лошадь, понесся к камышам, но его перехватили и связали. В дороге, когда его на время развязали, он схватил шашку и пистолет, направил его в грудь Федульева, но курок дал осечку. Пугачева сбили с ног, связали и вместе с женой и сыном посадили в телегу.

14 сентября заговорщики явились на Бударинский форпост и сдали Пугачева с рук на руки сотнику Харчеву. В ночь на 15 сентября Пугачева доставили в Яицкий городок, а через день капитан Маврин начал допрос Пугачева. Оттуда в специальной железной клетке, под охраной воинских частей с артиллерией, Пугачева повезли в Симбирск, куда он был доставлен 1 октября. Через день в Симбирск приехал командовавший войсками, действовавшими против Пугачева, граф Панин. «Как смел ты, ворон, назваться государем?» — с яростью спросил Пугачева его «усмиритель». «Я не ворон, я вороненок, а ворон-то еще летает», — бросил ему в ответ Пугачев. Панин набросился на Пугачева, избил его, и вырвал клоч бороды. В ноябре Пугачева привезли в Москву и посадили на цепь в Монетном дворе в Охотном ряду. Начались новые допросы. Здоровье Пугачева уже было подорвано пытками, которым он подвергался в Яицком городке и Симбирске. Опасаясь, что Пугачев

умрет до того, как от него «выведуют» все, Екатерина II отдала приказ, чтобы во время допросов проявляли «возможную осторожность». 31 декабря Пугачев предстал перед судом, а 9 января был вынесен приговор: «Учинить смертную казнь, а именно: четвертовать, голову взоткнуть на кол, части тела разнести по частям города и наложить на колеса, а после на тех же местах сжечь».

Настал день 10 января, холодный, ветренный. На Болотной площади, оцепленной войсками, стоял эшафот. В санях привезли Пугачева и Перфильева, тоже приговоренного к четвертованию. Современники сообщают: «Незаметен был страх на лице Пугачева. С большим присутствием духа сидел он на своей скамейке». Пугачев взошел на эшафот, перекрестился и, кланяясь во все стороны, стал прощаться с народом: «...прости, народ православный». Палачи набросились на Пугачева, сорвали тулуп, стали рвать кафтан. Пугачев упал навзничь и «вмиг окровавленная голова уже висела в воздухе» (А. С. Пушкин). Не желая создавать Пугачеву ореол мученика, Екатерина II отдала приказ не четвертовать Пугачева, а отсечь ему голову. «Привеликим гулом» и «оханьем» ответил народ на смерть вождя.

Вместе с Пугачевым казнили Перфильева, повесили Шигаева, Подурова и Торнова. Предатели Чумаков, Творогов, Федульев и другие получили «высочайшее помилованье» и были высланы на жительство в Лифляндскую губернию.

В старую крепость Кексгольма сослали семью Пугачева: Софью, Трофима, Аграфену, Христину и вторую жену Устинью Кузнецову. Отсюда они уже не вышли.

На народ обрушились страшные репрессии. Тысячи людей погибли в тюрьмах, под кнутом, тысячи убиты карательными войсками, подвергнуты тяжелым наказаниям, сосланы. Волжское казачество ликвидировали и перевели на Кавказ, разгромили Запорожскую Сечь. Реку Яик переименовали в Урал, яицкое казачество в уральское, станицу Зимовейскую в Потемкинскую.

Дворянская реакция торжествовала.

В исследованиях, посвященных Крестьянской войне 1773—1775 гг., часто ставится вопрос об ошибках Пугачева.

Но правомерна ли сама постановка вопроса в такой плоскости? Не были ли так называемые ошибки Пуга-

чева результатом и объективных условий, в которых развертывалась крестьянская война, и ее особенностей?

Екатерина II и ее окружение считали осаду Оренбурга «счастьем» для себя. Следовательно, для Пугачева осада Оренбурга была «несчастьем»? Но можно ли представить себе яицких казаков, которые удержались бы от соблазна взять ненавистный Оренбург?

Осаду Яицкого городка, также потребовавшую много времени и сил и отвлекшую внимание от Оренбурга, тоже принято считать тактической ошибкой Пугачева. Пугачевский полковник Тимофей Подуров на следствии говорил, что если бы Пугачев «не привязался к Яику, то, конечно, бы взял он Оренбург». Но как иначе могли поступить яицкие казаки, для которых полковник Симонов, укрывавшийся в самом центре яицкого казачества, был воплощением зла?

Пугачев и пугачевцы не умели превращать тактические успехи в стратегические, но в том-то и специфика крестьянской войны, что в силу своей стихийности, неорганизованности или, в лучшем случае, слабой организованности, в силу ограниченности кругозора и рядовых участников, и руководителей восстания крестьянская война не может завершиться победой крестьянства, т. е. стратегической победой до тех пор, пока борьбу крестьян не возглавит пролетариат.

Можно ставить в вину Пугачеву то, что он «привязался» к Оренбургу, «оплошал», уйдя из-под Оренбурга к Яицкому городку, «прообедал» Корфа, прорвавшегося в осажденный Оренбург, но все эти «вины» Пугачева естественны для возначальника крестьянской войны.

Особенности, свойственные крестьянской войне, обусловили колебания Пугачева, оразившиеся на его планах ведения войны. Ближайшей целью Пугачева был Оренбург, но вслед за Оренбургом он намеревался овладеть Казанью, Москвой, Петербургом и, наконец, «всем царством». Яицкие казаки заставили его заняться осадой крепости Яицкого городка.

«Воцариться» Пугачев собирался в Москве, но когда после боев в районе Казани он смог выйти на дорогу к Москве, Пугачев говорил: «Не пришло еще мое время». А как раз в Москве и под Москвой «чернь бедная» ждала пугачевцев! Отказываясь идти на Москву, Пугачев учел и голод, надвигавшийся на Поволжье, и мятежное

прошлое родного ему Дона, на который он рассчитывал. Эти колебания понятны и естественны. В последние дни крестьянской войны Пугачев снова стал говорить об уходе. Он собирался уйти то на Эмбу, то в Сибирь, то в Сечь, то к калмыкам, то «за море». И эти метания тоже обусловлены самим ходом крестьянской войны. И именно поэтому, несмотря на «ошибки» и колебания Пугачева, мы воздаем должное прежде всего его заслугам перед трудовым народом России, которому он отдал весь свой самобытный талант, весь жар своего сердца, всю свою яркую жизнь.

Тяжкое бремя руководства крестьянской войной достойно делили с ее вождем — Пугачевым его верные боевые соратники — бригадиры, полковники, атаманы народного войска.

Среди многочисленных предводителей войска мятежников выделяются руководители Главной армии Пугачева и предводители отдельных отрядов. Прежде всего следует назвать пугачевского атамана и походного войска полковника, яицкого казака из «войсковой», «непопулярной стороны» Ивана Никифоровича Зарубина-Чика. Лихой наездник и хороший организатор, чей лагерь в Чесноковке под Уфой копировал пугачевскую Берду, прямой и негибкий, беззаветно служивший восставшему народу и его вождю, Зарубин-Чика был «любимцем и первым пособником Пугачева». Он мужественно перенес испытания одиночного заключения, повергнув своих палачей в изумление твердостью и силой духа. Царский полководец П. С. Потемкин писал Екатерине II, что Зарубин сидел в страшной темноте, где ничего не было видно, кроме иконы с горящей лампадой. Три дня увещевал его Потемкин, «но ничего истинного найти не мог».

Во главе восставших башкир сражался мужественный батыр и поэт двадцатилетний Салават Юлаев, чьи песни и память о котором башкирский народ сохранил и по сей день. До последней минуты оставался верен Пугачеву и другой предводитель башкир — образованный, широко известный среди повстанцев «главный полковник» Кинзя Арсланов.

Тяжелую жизнь, полную горя и испытаний, прошел «над заводскими крестьянами полковник», работный человек, не раз бежавший с каторги Афанасий Тимофее-

вич Соколов-Хлопуша, один из виднейших полководцев крестьянской войны и верный соратник Пугачева.

В одном ряду с Хлопушей стоит Иван Наумович Белобородов, сын заводского крестьянина, затем рабочий, солдат, наконец, мелкий торговец. Человек исключительной выдержки и прекрасный организатор, скромный, честный, отзывчивый, преданный до конца делу восстания и очень популярный в народе, Белобородов был выдающимся атаманом мятежного войска. Он поздно научился грамоте, но это не помешало его письмам и обращениям носить характер образцов народной мудрости, ясной и простой народной речи. «Главный атаман и походный полковник» Белобородов умел сплотить людей, подчинить их одной цели — разгрому классового врага, превратить толпы восставшей «черни» в дисциплинированные отряды.

Иван Никифорович Грязнов, строгий и требовательный к себе и к другим, из отдельных разобренных отрядов создавал «войско», боролся с недисциплинированностью в рядах восставших, с проявлением национальной вражды. Его обращения, представляющие выражение социальных чаяний народа, сочетающихся с «книжностью», навеянной наивными представлениями о добре и зле в духе христианского учения, выразительны и четки. Грязнов является не только одним из выдающихся военачальников и руководителей «мятежного крестьянства», но и одним из идейных вождей, идеологов крестьянской войны, чьи воззвания по силе и яркости, по своей убежденности не уступают манифестам самого «Третьего императора» — Пугачева.

Среди предводителей восставшего народа выделяется Иван Степанович Трофимов (он же Алексей Дубровский), вольнонаемный рабочий Златоустовского завода. Дубровский, о котором П. И. Панин писал Екатерине II, что «он был всех умнее», начал борьбу за волю в башкирском отряде и завершил свой путь секретарем пугачевской Государственной военной коллегии.

«Главный российского и азиатского войска предводитель» Иван Степанович Кузнецов, действовавший в районе Кунгура и Красноуфимска, автор замечательных «увещеваний» и «наставлений», преисполненных народной мудрости и красноречия, переплетающихся с христианскими нравоучениями, четких и ясных «приказа-

ний», также является одним из выдающихся вождей крестьянской войны.

Среди пугачевских полковников выделялся своей силой и энергией украинец Василий Журба. Придя на Слободскую Украину, он свято хранил пугачевское знамя и портрет «Петра Федоровича» и, скрываясь по деревням, призывал русских и украинских крестьян продолжать борьбу.

Немалую роль в начале крестьянской войны сыграл атаман ставропольского калмыцкого казачьего войска Федор Дербетев, возглавивший восставших православных калмыков. Он действовал смело и решительно в Ставрополь-Самарском крае, помогал Пугачеву под Оренбургом.

Григорий Туманов, крепостной крестьянин Воскресенского завода, пугачевский атаман, с мая 1774 г. назначенный секретарем Государственной военной коллегии восставших, смелый, деятельный и умный, хорошо знавший и «российскую грамоту» и татарский язык, во время боевых действий под Челябинском был «взяще Грязнова предводителем» и «Пугачеву важным сообщником».

Яицкий казак Максим Шигаев, главный «словесный судья», казначей и интендант, был фактическим руководителем Военной коллегии восставших. Он был «замысловатее и любимее» многих других у Пугачева, который нередко «следовал его советам». Шигаев был при Пугачеве «первенствующая особа». Среди полковников и атаманов повстанческого войска выделялись своей храбростью русские Петр Евсеев (Евстигнеев), Илья Арапов, Федор Калабин (Шмота), братья Иван и Алексей Ивановы, Яков Иванов, Иван Иванов (Родионов), украинцы Каменский и Утвенко, татарин Мясогут Гумеров, мещеряки (мищари) Бахтиар Канкаев и Канзафар Усаев, чуваш Негей, казах («киргизец») Сейдалы-султан и множество «пугачей» различных национальностей и вероисповедания.

Таковы были «неладно скроенные, но крепко сшитые фигуры Великой крестьянской войны»¹. Им свойственны были недостатки и слабости, ошибки и заблуждения, но «исторические заслуги судятся не по тому, чего не дали

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. 7, стр. 345.

исторические деятели сравнительно с современными требованиями, а по тому, что они *дали нового* сравнительно с своими предшественниками»¹.

Чем объяснить поражение крестьянской войны 1773—1775 гг.? Несмотря на то, что по сравнению с другими крестьянскими войнами в России — восстаниями Болотникова, Разина, Булавина — крестьянская война под предводительством Пугачева характеризуется определенными элементами организованности, все же и этой войне были присущи черты, характерные для крестьянских войн, — аморфность, неорганизованность выступлений крестьян, представлявших собой основную движущую силу восстания Пугачева.

По образному выражению К. Маркса, крестьянин — «картофелина», и собрать крестьян воедино, в «мешок с картофелем» не смогли ни казаки, имевшие свою стройную военную организацию, ни горнозаводские рабочие, сами мало чем отличавшиеся от крестьян. В распоряжении помещиков, правительства находились огромная государственная машина, первоклассная регулярная армия, деньги, полицейский аппарат, сословная организация дворянства и вековой опыт управления государством и подчинения народных масс.

В. И. Ленин подчеркивал: «Начиная с средневековой «крестьянской войны» в Германии... мы видим бесчисленные примеры тому, как более организованное, более сознательное, лучше вооруженное меньшинство навязывало свою волю большинству, побеждало его»².

Восстание Пугачева завершилось поражением народных масс и торжеством дворянской реакции, предоставлением дворянству Жалованной грамотой особых прав и привилегий, превративших дворянство в сословие, имеющее все права и никаких обязанностей по отношению к государству.

Удары, нанесенные правительством яицкому, волжскому, донскому и запорожскому казачеству, политика «кнута и пряника» по отношению к казакам сделали свое дело — казаки постепенно превращались в приви-

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 178.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 34, стр. 40.

легированное военное сословие, верных слуг царизма и из застрельщиков народных восстаний становились их душителями.

Эволюция казачества и значительно выросший, окрепший и широко раскинувший сеть своих полицейско-административных учреждений государственный аппарат исключили возможность повторения крестьянской войны в конце XVIII — в первой половине XIX в. Восстание Пугачева было последней крестьянской войной, но оно оставило после себя неизгладимый след и имело большое историческое значение. Восстание потрясло основы крепостнической системы и на долгие годы оставило в памяти крестьянства воспоминания о грозных событиях тех лет, заставило мечтать о том времени, когда с оружием в руках будет начат «черный передел».

Фольклор о Пугачеве стал мощным оружием в арсенале крестьянства. Высоко ценя устное народное творчество, Максим Горький говорил, что «от глубокой древности фольклор неотступно и своеобразно сопутствует истории» и указывал, что «подлинную историю трудового народа нельзя знать, не зная устного народного творчества», так как оно является «отражением социальной жизни в широких художественных обобщениях».

На эту особенность устного народного творчества обратил внимание В. И. Ленин. В. Д. Бонч-Бруевич вспоминал, что в связи с изучением литературы по фольклору и этнографии В. И. Ленин говорил ему: «Какой интересный материал! Я бегло просмотрел все эти книжки и вижу, что не хватает, очевидно, рук или желания все это обобщить, все это просмотреть под социально-политическим углом зрения. Ведь на этом материале можно было бы написать прекрасное исследование о чаяниях и ожиданиях народных»¹.

В памяти простых русских людей: крестьян, «работных», «всей черни бедной», в памяти татарских, чувашских, мордовских крестьян Пугачев — «добрый», «ласковый до крестьян», «радельный до мужиков». Он бился «за нужду народную», «народу давал много льгот и свободы». Пугачев — «Солнце Красное», «батюшка», «атаманушка», «добрый молодец». К народу он добр и щедр

¹ В. Д. Бонч-Бруевич. В. И. Ленин об устном народном творчестве. — «Советская этнография», 1954, № 4, стр. 118.

и страшен только для бояр-дворян, заводчиков и чиновников. Пугачев их «бьет и вешает». Горнозаводские рабочие Урала запомнили грозные годы, когда «Из Уралечка пышет пламечко», когда простой работный люд

«На литейном на заводе
Не пьет милый, не гуляет,
Медны трубы выливает
Емельяну помогает».

Когда Пугачев уходил с Урала, «вся земля дрогнула» и даже уральские реки «изменили свои русла и потекли вслед за ним». Когда погиб Пугачев, — «спокинул нас родной батюшка», «закатилось Солнце Красное». Но память о нем осталась. Запомнил народ и Ивана Белобородова — атамана Белую Бороду, и Чику-Зарубина — Захара Чернышева и Салавата Юлаева — богатыря и поэта.

Запомнил народ «пугачев год», и долгое время русские и чуваша, башкиры и татары «ведут от него летоисчисление». В памяти народных масс навсегда запечатлелись яркие вспышки классовой борьбы, когда «на слом» крепостнической системы поднимались их деды, прадеды, добывая себе землю и волю. Память о разинцах и пугачевцах вдохновляла крестьян, вселяла жгучую ненависть к барам, отправившим на казнь «удалого молодца» «атамана Стеньку Разина» и «батюшку Емельяна Пугачева».

После поражения Крестьянской войны 1773—1775 гг. правительство стремилось искоренить самую память о Пугачеве и пугачевцах.

И поскольку в фольклоре воспевались «воители храбрые», вышедшие из народных масс и вставшие во главе их в годы восстания, боровшиеся за такую жизнь, когда «ни барской плетки», «ни дворян, ни купцов даже званья не останется», то, естественно, все эти песни и «сказы» были по «серьезному делу» и выступали как «тайные» и говорить их «с опаской надо», да и «не всякому можно». Но фольклор сохранял в крестьянах память о борьбе за волю в годы «набеглого царя» и делал их непримиримее, смелее. В этом заключается величайшее историческое значение восстания Пугачева. Оно имело огромное значение в развитии общественно-политической мысли в России.

«Идейное движение... свидетельствует о том, что глупо в низах происходит брожение, — пишет К. Маркс. — Умы всегда связаны невидимыми нитями с телом народа...»¹.

Крестьянская война 1773—1775 гг. оказала большое влияние на развитие передовой общественно-политической мысли. Радищев и декабристы, «певец декабристов» Пушкин, революционные демократы Герцен, Огарев, Белинский, Чернышевский, Добролюбов отдавали должное и мятежному крестьянству и его вождю — Емельяну Пугачеву.

Исключительно большое внимание классовой борьбе крестьян в крепостной России уделял В. И. Ленин. Проблема классовой борьбы крестьянства заинтересовала В. И. Ленина в связи с разработкой им вопроса о союзе пролетариата и крестьянства в грядущей революции.

Естественно, что в связи с этим В. И. Ленин подверг тщательному анализу все формы, виды и проявления классовой борьбы крестьян в дореформенной крепостной России, в том числе и крестьянские войны.

В. И. Ленин писал: «...века крепостного гнета и десятилетия форсированного пореформенного разорения накопили горы ненависти, злобы и отчаянной решимости» у русских крестьян². Поэтому «когда было крепостное право, — вся масса крестьян боролась со своими угнетателями, с классом помещиков, которых охраняло, защищало и поддерживало царское правительство»³. Когда царило крепостное право, врагами его выступали «хозяйственные мужики» и дворовые, крепостные бурмистры и обедневшие крестьяне, т. е. *«все крестьянство как целое»*⁴. В. И. Ленин четко разграничивает раздробленные единичные крестьянские восстания, «бунты», не освещенные политическим сознанием, свойственным подлинной революционной борьбе, и крестьянские войны⁵.

В. И. Ленин считал крестьянскую войну гражданской войной. Говоря о крестьянской войне в Германии, он

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные письма. М., Госполитиздат, 1948, стр. 256.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 210—211.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 7, стр. 194.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 1, стр. 306; т. 6, стр. 311.

⁵ См. В. И. Ленин, Полн. собр. соч., т. 4, стр. 228—229; т. 20, стр. 174.

подчеркивал, что «эти гражданские войны проходят через всю историю существования классового общества... Вы все знаете примеры подобных многократных восстаний крестьян против помещиков-крепостников и в России»¹. Их целью является «изгнание помещиков и захват помещичьих земель»². Речь, следовательно, идет о самом существовании крепостнической системы. Что за общественный строй вставал перед мятежным крестьянством в случае его победы? К нему крестьянство «относилось очень бессознательно, патриархально, по-юродивому» и не знало «какой борьбой надо завоевать себе свободу, какие руководители могут быть у него в этой борьбе»³. Отсюда и вера в «хорошего царя», «наивный монархизм», свойственный русскому крестьянству.

В. И. Ленин отмечает историческое значение восстаний Разина и Пугачева. Говоря о письме министра внутренних дел Дурново от 18 марта 1895 г. по поводу преподавания в воскресных школах, В. И. Ленин подчеркивает, что в письме, отобранном у одного преподавателя, «говорится о программе исторических чтений, об идее закрепощения и раскрепощения сословий, упоминается о бунте Разина и Пугачева. Должно быть, эти последние имена и напугали так доброго министра: ему сейчас же померещились, вероятно, вилы»⁴.

В. И. Ленин указывает, что восстание Пугачева стоит в ряду тех событий, которые в конечном итоге вынудили верхи крепостной России, пусть по-феодалному, по-помещичьи, решить крестьянский вопрос и отменить крепостное право.

Именно «призрак грозной пугачевщины» вынудил Александра II начать освобождение крестьян «сверху», чтобы оно не началось «снизу». Настроение господствующих верхов отразил реакционный историк М. П. Погодин, писавший во время Крымской войны: «Мирабо для нас не страшен, но для нас страшен Емелька Пугачев». Именно сотни крестьянских восстаний, охвативших едва ли не всю Россию и создавших в стране революционную ситуацию, побудили царизм, наряду с поражением в

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 39, стр. 77.

² В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 13, стр. 319.

³ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 17, стр. 211.

⁴ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 2, стр. 79.

Крымской войне и ростом капитализма, отменить крепостное право. В. И. Ленин писал: «Мы всегда учили и учим, что классовая борьба, борьба эксплуатируемой части народа против эксплуататорской лежит в основе политических преобразований и *в конечном счете* решает судьбу всех таких преобразований»¹,

Память о великой крестьянской войне, возглавляемой Емельяном Ивановичем Пугачевым, жила и в последующих поколениях борцов за народное дело.

«Нам дороги свободолюбие трудового крестьянства, жгучая ненависть к эксплуататорам. Эти чувства влекли его в разинские ватаги, войска Емельяна Пугачева, звали на борьбу против царя и помещиков и в конечном, историческом, счете привели в полки Красной Армии»².

В прославленной дивизии Чапаева, сражавшейся на полях гражданской войны, был Первый полк имени Емельяна Пугачева, впоследствии развернутый в Пугачевскую бригаду.

В годы Великой Отечественной войны имя Емельяна Пугачева носили отряды действовавших в тылу врага советских партизан. В чехословацком городе Гуменне высится обелиск в память капитана Советской Армии «Алеши Пугачева» (Емельянова), командира партизанского отряда имени Емельяна Пугачева, а в Пражском музее антифашистских борцов хранится знамя «Пугачевского» отряда». В Музеях революции в Москве и Ленинграде, в краевых музеях бережно хранятся реликвии, связанные с восстанием Пугачева. Тема крестьянской войны широко представлена в изобразительном искусстве, музыке, художественной литературе. Советские художники М. И. Авилов, С. В. Герасимов, П. П. Соколов-Скаля и другие посвятили ряд своих полотен Пугачеву и пугачевцам. Видное место в советском изобразительном искусстве заняли иллюстрации А. Бенуа, Н. Фаворского, А. Пластова, М. Нестерова и других к «Капитанской дочке» А. С. Пушкина.

С успехом шли на театральной сцене посвященные Пугачеву спектакли по произведениям С. Есенина,

¹ В. И. Ленин. Полн. собр. соч., т. 9, стр. 333—334.

² «Литературная газета», 1972, 15 ноября.

К. Тренева, М. Коваля. В собрании Госфильмофонда хранятся киноленты «Емельян Пугачев» О. Форш и П. Петрова-Бытова, «Салават Юлаев» Степана Злобина и Я. Протазанова, «Капитанская дочка» по сценарию Н. Коварского и др.

Образ Пугачева и его соратников Хлопуши, Салавата Юлаева и других запечатлели в своих исторических романах Вячеслав Шишков («Емельян Пугачев»), Ольга Форш («Казанская помещица»), Степан Злобин («Салават Юлаев»), Евгений Федоров («Каменный пояс»), М. Зуев-Ордынец («Хлопушин поиск»).

Исторические романы и фильмы, музыкальные произведения, картины и иллюстрации, капитальные исследования и научно-популярная литература свидетельствуют о неослабевающем интересе советских людей к Крестьянской войне 1773—1775 гг. и ее выдающемуся вождю Емельяну Ивановичу Пугачеву.

СОДЕРЖАНИЕ

НАКАНУНЕ КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ . . .	3
НАЧАЛО КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ. ОСАДА ОРЕНБУРГА	21
ВТОРОЙ ЭТАП КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ. ШТУРМ КАЗАНИ	35
ПОСЛЕДНИЙ ЭТАП КРЕСТЬЯНСКОЙ ВОЙНЫ	40
ЕМЕЛЬЯН ПУГАЧЕВ — ВОЖДЬ КРЕСТЬЯН- СКОЙ ВОЙНЫ	43

Владимир Васильевич Мавродин

КРЕСТЬЯНСКАЯ ВОЙНА ПОД РУКОВОДСТВОМ ПУГАЧЕВА

Редактор Л. Петренко
Техн. редактор Т. Пичугина
Корректор Н. Мелешкина

А 02935. Индекс заказа 30106. Сдано в набор 5/III 1973 г.
Подписано к печати 4/V 1973 г. Формат бумаги 84×108/з.
Бумага типографская № 3. Бум. л. 1,0. Печ. л. 2,0. Усл.-
печ. л. 3,36. Уч.-изд. л. 3,40. Тираж 74 520 экз. Изда-
тельство «Знание». 101000, Москва, Центр, проезд Серова,
д. 3/4. Заказ 434. Типография Всесоюзного общества «Зна-
ние». Москва, Центр, Новая пл., д. 3/4.
Цена 10 коп.